ГЕННАДИЙ ТАБАКОВ

На виражах жиз

Геннадий Табаков

На виражах жизни

«Издательские решения»

Табаков Г. А.

На виражах жизни / Г. А. Табаков — «Издательские решения»,

«Жизнь — не только то, что человек прожил, но и то, что он помнит, и то, что об этом рассказывает» Габриэль Гарсиа Маркес.

© Табаков Г. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Глава 1: Яркие эпизоды детства 9
Глава 2: Юность кучерявая моя 33
Глава 3: Тяжело в ученье… 52
Конец ознакомительного фрагмента. 67

На виражах жизни
Геннадий Александрович Табаков

© Геннадий Александрович Табаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Размышляя о прожитых годах, отметив в феврале 2012 года своё 64-летие, я вплотную подошёл к невидимому рубежу, которым всегда была для меня смерть отца, умершего в 1970 году от лучевой болезни (лейкоз) в таком же возрасте. В марте этого же года, после двадцатилетнего отсутствия, я приехал в село Александровское на Северном Кавказе, где покоится мой отец и посетил кладбище с его могилой.

Вся жизнь, как в компьютере, пролетела в моих мыслях, пока я стоял над могилой отца. Когда его хоронили, я был молодым лейтенантом, а сейчас, почти через сорок два года, стоял седым отставным полковником, дедом, имеющим двух внучек, но ещё полным неугасимой энергии и жизненных сил, которые я сохранил в результате преждевременного увольнения из Вооружённых Сил по сокращению штатов после разрушения СССР. Только теперь я отчётливо понял, как рано ушёл отец из жизни. Чего он достиг при жизни? Что оставил после себя?

Я вспоминал трудную судьбу отца и не мог найти праздных дней в его жизни, всегда он был погружен в работу или какое-нибудь своё дело, всегда шёл помогать людям, оказывал ветеринарную помощь их питомцам – животным.

Главное его богатство в жизни – вырастил и воспитал восьмерых детей, дав им дорогу в большую жизнь, и оставил о себе добрую память среди людей. Ради этого стоило жить!

Как-то сам по себе разрешился вопрос о смысле дальнейшей моей жизни – надо просто жить ради людей, окружающих тебя, помогать им не только делом, но и добрым словом-лекарством, которого в нашей жизни так не хватает и его не найдёшь ни в одной из многочисленных аптек.

Ранее я не писал книг, хотя по долгу службы исписал горы бумаг для многочисленных планов, докладов, донесений, отчётов и других документов, так отягощающих службу каждого военного человека и навсегда отбивающих охоту к любому бумаготворчеству.

С возрастом все чаще стал задумываться, а что я оставлю детям и внукам после себя, как они узнают о нашей жизни, радостях и заботах, трудностях и успехах, о мыслях и сомнениях, мечтах и планах – ведь общаясь с ними, мы обычно не касаемся этих вопросов.

С другой стороны, я не совершил ничего выдающегося и героического, не достиг генеральских высот, чтобы писать мемуары и делиться боевым опытом. Учился почти всю сознательную жизнь, кроме школы окончил Благовещенское Высшее Танковое Командное Училище, а потом заочно Усть-Каменногорский Педагогический Институт и Военно-Политическую Академию имени В. И. Ленина, курсы Выстрел для руководящего командно-политического состава Вооружённых Сил.

Службу проходил как на командных, так и на политических должностях, достигнув должности Начальника Политотдела 153 Мотострелковой Дивизии, дислоцирующейся в Литве, недалеко от Вильнюса.

Вот бы когда применить полученные знания на практике и совершить рост в карьере, но в стране под видом перестройки на наших глазах и с молчаливым согласием всех, как я считаю, произошёл государственный переворот, приведший к развалу СССР.

Я был в то время членом Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы под руководством М. Бурокавичюса и оказался на острие событий, происходящих в Литве по сохранению Союза. Не секрет, что Литва была тогда испытательным полигоном для высшего руководства в лице М. Горбачёва и Б. Ельцина. В результате референдума, проведённого в Литве, большинство жителей высказалось за сохранение СССР, но на волю народа просто наплевали и не без участия этих лидеров.

Позднее, после отделения Литвы, ликвидации Северо-Западной Группы войск и проведённого расформирования частей я по сокращению штатов был уволен в запас. Остро встал передо мной вопрос: – Что делать дальше?

Большинство членов ЦК подверглись арестам и репрессиям, меня не тронули, как военного другого государства, но на мою жизнь покушались. Досрочно прекратили мою депутатскую деятельность, хотя закона об отзыве депутата ещё не было, а на вновь назначенные в моем округе выборы большинство избирателей просто не пошли, так и не выбрав нового депутата. Спокойной жизни не было, в квартире проводились ночные обыски, и мне пришлось вместе с семьёй переехать в Россию, начать новую жизнь уже в качестве пенсионера МО.

Обдумывая прошедшие события, я виню, прежде всего, и себя, что вовремя не понял, как и большинство людей, настоящего смысла перестройки, руководил и призывал их к быстрейшим переменам в жизни партии и народа, не ведая, что прокладываем тем – самым дорогу для дикого капитализма.

Я могу в мыслях согласиться с демократизацией и введением частной собственности, в своё время Ленин включил это в свой план строительства социализма, но с разрушением Великой Страны, которую потом и кровью создавали наши предки, до сих пор примириться не могу. Предательство и обман руководства партии ввело тогда меня в сильную депрес-

сию, и я полностью ушёл из политической жизни, потеряв веру во все, что нам говорили. Долго думал, где с наибольшей пользой применить свои знания и навыки. Более года занимался бизнесом, но мне это было не по душе, а на кого-то работать не захотел. Впоследствии купил домик в деревне и стал заниматься пчеловодством, садом и огородом, не забывая о любимой рыбалке и охоте.

Все это со временем сгладило душевные раны и сохранило мне здоровье, и я решил описать свой жизненный путь для своих внучек, родных и друзей, не претендуя на широкий круг читателей, а если будут таковы – пусть простят они меня за некоторые неуклюжие предложения и слова, а может быть и ошибки.

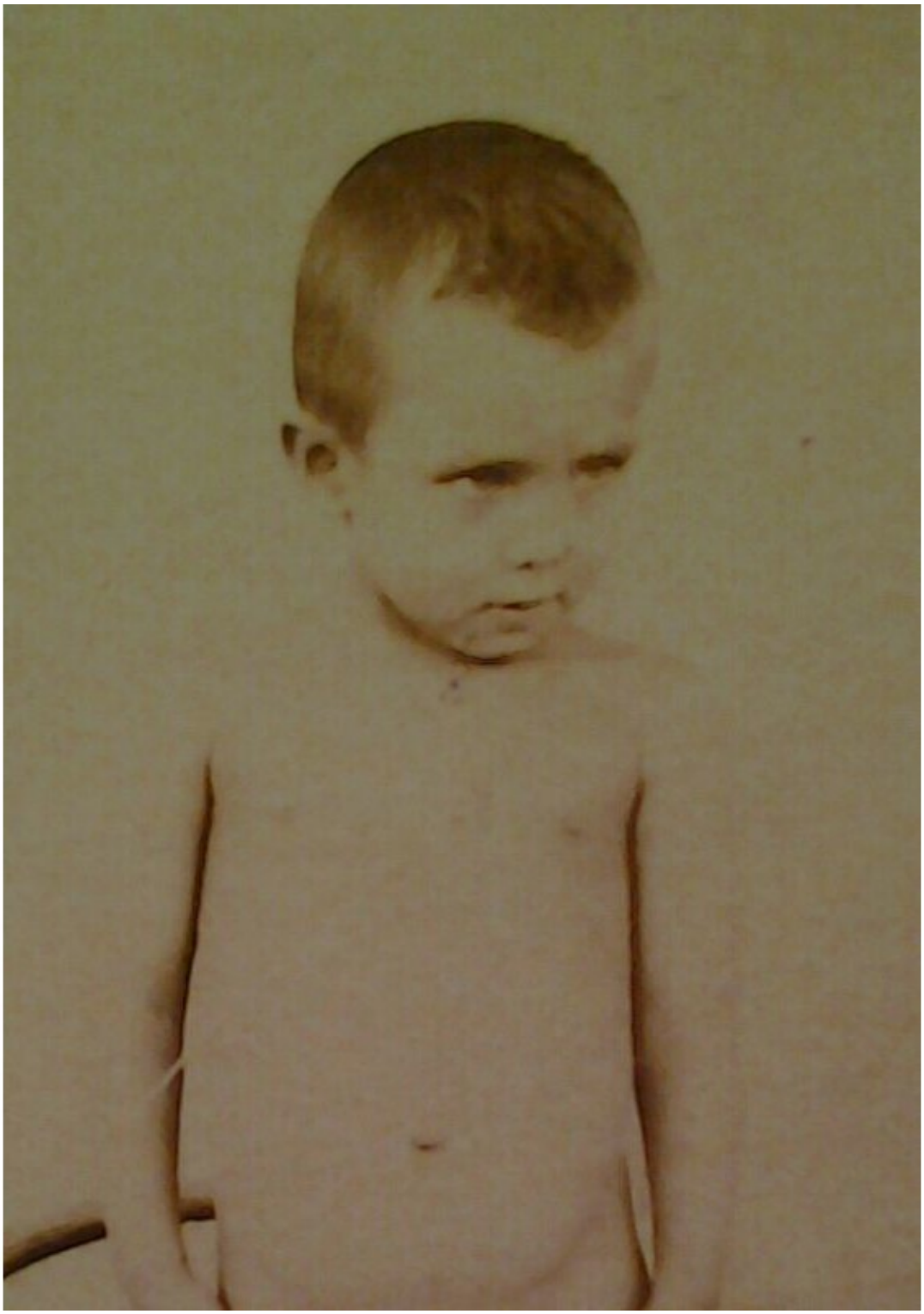
Буду счастлив если молодёжь узнает что-то новое для себя или просто узнает, как мы жили, о чём мечтали и думали, как достигали задуманное, а пожилой читатель ещё раз мысленно вернётся в годы молодости.

С большой признательностью отнесусь к тем, кто поправит меня в моих взглядах и суждениях или примет участие в обсуждении и оценке прочитанного ниже.

Глава 1: Яркие эпизоды детства

Своей малой Родиной считаю Восточный Казахстан, где я родился 1 февраля 1948 года в большом селе, районного значения, под названием Катон-Карагай, которое затерялось в высоких горах Южного Алтая, у самой границы с Китаем.

Жизнь там помню смутно, почему-то в память врезался старый деревянный дом, почерневший от времени, обнесённый забором из длинных жердей, на который я, постоянно залезал, обозревая окрестности.



Мне три года… 1951 г. Шемонаиха

Улицу, заросшую мягкой зелёной травой, по которой с гор течёт быстрый, прозрачный ручей, таких ручьёв в селе протекало несколько, в них, мои старшие братья, ловили «харюзов», так там называли рыбу хариус, не подозревая, что на всю жизнь заражают меня вирусом рыбака, который не даёт мне покоя, и по сей день.

Моя мама Мария Семёновна Табакова (Петухова)

Родился я, в многодетной семье, восьмым – «последышем», «в рубашке» и с двумя вихрами, как говорила мама: Пчеловодом будешь! Ждёт тебя в жизни счастье!

И вот, во второй половине моей жизни, я часто задумываюсь о прожитом, как она была права, но об этом позднее. Мама, в девичестве Петухова Мария Семёновна (родилась 14 апреля 1907 года) в эти годы была ещё молодой, энергичной и красивой женщиной.

Её энергии и любви хватало не только для своих родных и детей, но и для всех животных в округе – она была, как и мой отец, ветеринаром.

Сколько её помню, всегда, днём или ночью, её вызывали, обеспокоенные болезнями своих питомцев, люди и она, безропотно, спешила на помощь к ним.

Отец её, мой дед, Семён Петухов и бабушка Акулина Ивановна, жили дружно и имели четырнадцать детей. Дед, седобородый крепыш, целыми днями работал в своей мастерской по изготовлению пимов, так называли валенки.

Несмотря на то, что у него были покалечены пальцы на руке во время Русско-Японской войны, в результате попадания пули из пулемёта Шимоза, валенки валял добротные и знатные по всей округе, в том числе и детские.

Их он делал с любовью и вручал нам каждый год, как награду, за ту детскую привязанность, которую мы испытывали к нему. Дед был потомственным казаком, подхорунжим Западно-Сибирского казачьего Войска, после ранения служил толмачом (переводчиком) при Атамане. Он знал четыре языка: китайский, казахский, уйгурский и киргизский.

Мой дед по матери Семён Петухов… январь 1917 г. (первый слева)

Бабушка служила горничной в одном из знатных домов г. Барнаула, где постигла все премудрости этикета и кулинарного мастерства, которые передала моей матери. В доме у нас, несмотря на тесноту, всегда было уютно, чисто и пахло вкусными пирогами.

Бабушка Акулина была ещё и хорошей портнихой, шила одежду не только для семьи, но и для всех желающих. Мама, переняв это, впоследствии часто поздними вечерами» стрекотала» швейной машинкой «Зингер», доставшейся ей в наследство, обшивая быстро растущих детей.

Меня всегда тянуло покрутить эту машинку, но мама не разрешала, очень берегла, так как это была единственная техника в доме. Да, висел на стене ещё большой чёрный громко-

говоритель, который большую часть времени молчал, а работал когда передавались важные сообщения. Так из него впервые мы узнали о смерти Сталина.

Отец, Александр Гаврилович Табаков, родился 4 марта 1906 года, в селе Солоновка, Больше-Нарымского района, Восточно-Казахстанской области, рано лишился отца и рос сиротой. Отчим, заменивший ему отца, был крепким на руку и часто воспитывал всех кулаком или тем, что попадёт ему на глаза. Он был хорошим сапожником, и все время проводил в мастерской, заставляя работать и отца, обучая его своему мастерству. В роли подмастерья прошло все детство отца, как будто образ Ваньки Жукова был скопирован с него. Впоследствии отец часто использовал эти навыки, и мы видели его, сидящим за сапожным столиком и шьющим очередные хромовые сапоги на спиртовой подошве. Мать его, моя бабушка, Анна Андреевна, была крепкой и тучной женщиной, пережила своих мужей и умерла за сто с лишним лет, за год до смерти отца. Никто не знал точно, сколько длился этот «лишок», так как у неё не было паспорта. Она в молодости держала большое хозяйство: большую пасеку пчёл, стадо коров и лошадей. Работали всей семьёй, работников не брали, несмотря на это, после революции, были раскулачены, оставлено им было несколько ульев с пчёлами и корова. Про свою семью отец никогда не рассказывал, а меня в то время эти вопросы не интересовали. Помню из рассказов матери, что у него был старший брат Иван и сестра по отчиму – Ольга, которая однажды приезжала к нам в гости со своей дочерью. Они проживали тогда в селе Солоновка, Больше-Нарымского района.

В молодости отец служил в казачьем кавалерийском полку, очень хорошо джигитовал, так как с детства любил лошадей, гонял их верхом на пастбище и водопой, участвовал в конноспортивных соревнованиях, проводимых в селе по праздникам, получая иногда призы.

Мой отец Александр Гаврилович Табаков во время службы…

Это повлияло на его дальнейшую судьбу, как грамотного красноармейца, а он имел 4 класса образования, его направили учиться в Проскуровскую кавалерийскую школу (на правах военного училища), которую он закончил, получив профессию «Военный ветеринарный фельдшер» и офицерское звание.

Но судьба его резко повернулась, по решению партии, стал одним из 25 тысяч коммунистов, направленных в сельские районы проводить коллективизацию, а создав колхоз, до начала Великой Отечественной войны руководил им.

На фронт пошёл сразу, но судьба опять вмешалась в его жизнь, через некоторое время, не доехав до передовой, был возвращён с белым билетом – тылу требовались ветеринары.

Дома его, в то время, редко видели – был в постоянных командировках, обслуживать приходилось два района, стране требовалось много мяса, а для этого надо было много здорового скота.

Так, ветеринаром он проработал всю дальнейшую жизнь, не забывая и о домашнем хозяйстве, в котором были пчелы, сад, огород, корова, кролики и птица.

Меня удивляло его трудолюбие, после трудового дня до глубокой ночи всегда что-то делал: шил сапоги, подшивал валенки, ремонтировал многочисленную обувь, плотничал, да ещё находил время прочитать газету Правда.

Все это происходило в г. Шемонаиха, куда мы переехали в 1951 году из-за болезни сердца мамы, высокогорный климат ей был противопоказан. Этот первый переезд отчётливо запечатлелся в моей памяти, хоть и было мне чуть более трёх лет.

Так было много нового в пути: высокие горы со снеговыми шапками, бурные пенистые реки с блестящими валунами среди воды, высокие жердевые заборы, окружающие непомерно длинные загоны в тайге для редких в природе оленей – маралов, кучи рогов, которых, лежали на домах (мазанках) с плоскими крышами в редких деревушках с казахским населением.

Большое впечатление произвели реки Бухтарма и Иртыш. В последующем, закончив 8-ой класс, я с группой одноклассников, участвовал в туристическом походе на Рахмановские ключи.

В то время это был малоизвестный курорт из-за труднодоступности, находившийся на берегу очень холодного и глубокого вулканического озера, окружённого высокими горами, покрытыми кедрачом.

Странно, прямо у озера, на берегу вытекающей из него речки с ледяной водой, бьют из-под земли горячие источники, насыщенные газом Радоном, очень помогающим лечить ревматизм.

Два дня пути пешком от деревни Урыль, вдоль рек Бухтармы и Берель, постоянно поднимаясь в гору с рюкзаком за плечами, под дождём – вот, что ждало нас впереди.

По прибытию мы, как награду, восприняли то блаженство, которое наступило после погружения в горячую воду источников, которая бурлит, как кипяток в деревянных срубах ванн и выталкивает тело на поверхность.

После купания усталость моментально исчезает. В наши дни добраться в это место можно транспортом, но я не жалею о пройдённом маршруте.

Большое впечатление у меня осталось от рыбалок, которые проходили на привалах. Рыбу ловил на искусственные мушки, заблаговременно, сделанные, по совету старших братьев, из пера рыжего петуха, пойманного во дворе дома, где мы ночевали, за что чуть не поплатился изгнанием из отряда, хозяйка подумала, что петуха ловлю на суп и подняла шум.

Рыбалку на Бухтарме нельзя забыть: прямо из, пенящейся, воды выпрыгивают, за летающими насекомыми, хариусы. Ловил с больших камней, мушка не успевала коснуться воды, как наиболее шустрые рыбки хватали её, но они были небольших размеров и это быстро надоедало.

Другое дело рыбачить у берега, где в маленьких заводях, под крутящейся листвой, прятались крупные хариусы, которые жадно хватали наживку, после подсечки, резко уходили в глубину, вываживать их из воды приходилось с большим трудом.

Ах, какая это сильная и красивая рыба! А какая вкусная уха из неё получалась, к большому удовольствию проголодавшихся ребят, кажется вкуснее ничего не ели.

Вот из таких прекрасных мест увезли меня в незнакомый город, со странным названием Шемонаиха, где прошло основное детство. Расположен он на границе горной и степной местности на берегу быстрой реки Убы, притока Иртыша.

Марьин Утёс в дни моего детства… Шемонаиха

С одной стороны реки высится гора Мохнатуха, а с другой стоит Марьин Утёс, названный так в книге «Тени исчезают в полдень» известным писателем Анатолием. Ивановым, жившим в этом городе.

Под утёсом, большим эллипсом, растянулось озеро с чистейшей водой, покрытой круглыми листьями кувшинок. В то время моста через реку не было, его роль выполнял паром, со скрипом скользивший по тросу от одного берега – к другому.

Я часто, со старшими братьями, переправлялся на другой берег, чтобы сходить на это озеро искупаться, вода в нем прогревалась быстрее, чем в реке.

Там же ловили рыбу, в основном клевал крупный окунь, иногда линь, много было щуки, но эта рыба была не для наших удилищ, сделанных из тонкого ивняка. Позднее, когда построили через реку мост, у озера создали зону отдыха, и рыбы стало меньше.

Весной река, всегда, разливалась, затапливая прибрежные луга, и уносила с собой все, что попадалось на её пути, а летом, местами, тихо, а на перекатах – стремительно, несла прозрачную и тёплую воду в холодный Иртыш.

Рыбы в реке было много, сразу, после ледохода, начинал клевать налим, которого ловили на крупного червя, донки ставились на ночь, а утром мы бежали проверять их.

Незабываемое чувство гордости наполняло меня, когда возвращаясь, домой, нёс на кукане тяжёлых и блестящих налимов, знал, что мама похвалит меня и приготовит из рыбы вкуснейший пирог.

Наша семья (Люда, Гена, Саша, Юра, Володя, Мама, Виктор), 1952 г.

Семья была большая, поэтому пирог она делала на весь противень, еле входивший в Русскую печь, начинкой было мясо рыбы, искусно отделённое от костей, картофель, лук и специи. Особенно вкусные пироги получались из мяса Нельмы – редкой рыбы, заходившей в Убу из Иртыша. Её ловили братья во время большой воды.

Дом в Шемонаихе был глинобитный, сделанный из смеси глины с соломой. Крыша также была покрыта соломой, а позднее крышу покрыли шифером и в доме был сделан ремонт и перепланировка.

Ремонт в основном состоял из того, что стены обрубались топором, выравнивались, штукатурились глиной и белились известью, сделанная перегородка добавила третью комнату, для бабушки Анны (Нюры), матери отца.

Он её привёз со своего родного села Солоновки на грузовом такси, вместе со всем её имуществом: сундуком с одеждой, пятью ульями с пчёлами и бадьёй мёда, чему я особо был рад.

Бабушке было тогда уже около ста лет, была она крепкой и здоровой, со своими, почти полностью сохранёнными зубами. Очень была молчалива, почти всегда сидела в своей комнатке и выходила оттуда только тогда, когда все уходили из дома по своим делам.

Лично я её даже побаивался, любой шум её раздражал, и я старался быстрее убежать на улицу. Так мы сосуществовали с ней многие годы, пока не заболел белокровием отец.

Тогда мы не знали причину его болезни, но позднее Шемонаиху официально стали считать зоной радиоактивного заражения от проведённых ядерных испытаний, введя полагающиеся льготы. Много взрослых и детей болели от облучения.

Отец долго лечился в больницах, ездил на курорты Кавказских Минеральных Вод, а потом решил переехать всей семьёй на Северный Кавказ.

Но это случится позднее, когда закончится моё босоногое детство, а пока я наслаждался жизнью и бегал босиком по сопкам и полям, не подозревая, что кругом лежат в земле несметные природные богатства.

Приехав в Шемонаиху в 1970 году, я не узнал её окрестностей. Кругом были открыты рудники, в которых добывались редкие полиметаллические и урановые руды, а также золото. А на другом берегу Убы была построена обогатительная фабрика. Город жить богаче от этого не стал, но экология сильно нарушилась на долгие годы.

Рыбалка стала неотъемлемой частью моей жизни. Каждое лето, с появлением первой травы, ранним утром сначала с братьями, а потом, став школьником – один, выгонял нашу кормилицу корову, по кличке Зорька на улицу, где ко мне присоединялись соседские мальчишки: Петька Устюжанин и Генка Сайбель, со своими коровами и мы бежали, не поспевая за спешащей на пастбище голодной скотиной.

Пасли на лугах в пойме двух речек: Поперечка и Шемонаиха. Там они сливались в одну реку, которая тихо и медленно, петляя между обрывов, текла через город в реку Убу.

Весь день был занят рыбалкой, самодельные удочки всегда были с нами или прятались на берегу, купанием «голяком», приготовлением на костре пойманной рыбы.

Рыба была мелкая: авдотка, пескарь, гольян, а пойманный крупный чебак или окунь приносил такую радость, о которой мечтает каждый рыболов. Жарили её, как шашлык, на прутиках, прямо над огнём и она получалась чёрной и скрюченной, как шелуха от фасоли, но нам казалось вкусной, потому что были голодными, а краюха хлеба, бутылка молока и несколько картофелин, взятых с собой, съедались в один присест ещё в первой половине дня.

Весь этот рацион дополнялся различными съедобными травами, кореньями, ягодами, всем тем, что появлялось и росло вместе с быстро наступающим летом, этому быстро учились у старших ребят.

Не забывали о коровах, вернее они не давали забывать о себе, постоянно пытаясь куда-то убежать от кусающих оводов или в поисках свежей травы.

Успевали играть в войну, строить шалаши, рыть пещеры в обрывах, рискуя быть заваленными, ловить в капканы многочисленных сусликов, шкурки которых сотнями отдавали старьёвщикам за крючки, леску, глиняные свистульки.

Каждый день был насыщен событиями так, что к вечеру мы еле плелись, вслед за тяжело идущими сытыми коровами, по дороге к дому, чтобы выспаться и утром начать все сначала.

Так продолжалось все лето, только школа возвращала меня в размеренную городскую жизнь.

Учиться пошёл в семилетнем возрасте сам, взял документы и принёс в ближайшую школу, родители были постоянно на работе. Учился легко, быстро выполнял письменные задания, в остальном полагался на память, и бежал кормить ненасытных кроликов, куриц и голубей.

К голубям в нашей семье было особое отношение, завёл их самый старший брат Михаил, успевший в самом конце войны попасть на фронт, а после войны ещё около семи лет воевал с «бандеровцами» на Западной Украине и только после ранения от разрыва, брошенной ночью в дом гранаты, был демобилизован.

Он работал машинистом паровоза и после одной из поездок привёз пару породистых голубей, голуби размножались и старшие братья, взрослея, передавали право ими распоряжаться младшим.

Мой брат Михаил Табаков на фронте… (в центре)

После Михаила голубятниками были Юра, Володя, Саша, а в завершение я, только Виктор избежал этой участи – учился в военном училище, а потом, став офицером, уехал служить в далёкий гарнизон.

Родители сначала косо смотрели на голубей, называя их бесполезной птицей и ворчали, увидев как зерно, предназначенное для куриц, быстро исчезает из ларя, но крутых мер к нам не принимали, тем самым давая молчаливое согласие на мирное сосуществование с этими красивыми птицами.

Голуби были только породистые: вертуны, «хвостачи», дутыши, бабочки, почтовые, а долбаков (дикарей) мы не держали. С замиранием сердца смотрел всегда на вертящихся высоко в небе голубей.

Я мог сразу определить прибившегося к стае чужака и по полёту, какой он породы, а если это был породистый, то сразу возникало азартное чувство охотника, и принимался комплекс мер, понятный только голубятникам, по осадке, прикормке и ловле гостя, связыванию крыла, чтобы не улетел и привык новому дому.

Голубей было около сотни, занимали почти весь чердак, но у голубятников слова много не бывает, поэтому их обменивали на других, продавали и покупали, а они возвращались или улетали к хозяевам.

Мои голуби почти всегда возвращались, был случай: детдомовские ребята, как-то ночью, подперев дверь в дом, украли много голубей, в том числе самых любимых, это для меня было большим потрясением, что не скрывал слез, но все обошлось хорошо – все голуби через некоторое время прилетели домой.

Ребята потом шутили, что ко мне даже яйца голубей прикатятся назад и отказывались покупать взрослых птиц, брали только молодых (пискунов).

У меня тогда самой заветной мечтой было быстрее повзрослеть и построить на высоких столбах голубятню, держать там самых лучших голубей.

К сожалению во взрослой жизни эта мечта так и не нашла место, потому, что другая мечта стать офицером, которая раньше, смутно тлеющая где-то внутри меня, как и у всех

мальчишек тогда после просмотров многочисленных кинофильмов о войне, вдруг стала нетерпимо желанной.

Мой брат Виктор после окончания училища…

Это произошло после приезда в свой первый курсантский отпуск старшего брата Виктора (1934 г.р.), который приехал в красивой военной форме, да ещё привёз телеграфный ключ, учился он в Кемеровском военном училище связи, которым постоянно стучал, закрепляя знания азбуки Морзе, вызывая искреннюю зависть у меня и всех соседских мальчишек.

Тогда я многое узнал об армии из рассказов брата, впервые услышал о проведённом взрыве атомной бомбы в районе Семипалатинска, который был всего в сотне километров от нас. Последствия ядерного взрыва потом скажутся и на нашей семье.

Помню всегда с чувством вины один нелепый случай, чуть не закончившийся трагически. У меня произошла ссора со старшим братом Сашей, который ударил меня, зная, что

возмездие будет неотвратимым, он стал убегать, а я схватил камень и с опережением, как артиллерист с закрытых огневых позиций, бросил его через крышу и тревожно почувствовал, что попал в цель.

Прибежав посмотреть, с огорчением увидел другого брата – Виктора, державшегося за окровавленную голову, который начищал до этого сапоги, собираясь идти на танцы.

Так весь отпуск ходил он с перевязанной головой, а оставшийся шрам на лбу у левого виска до самой смерти Виктора был для меня немым укором.

Ранее в такой ситуации погиб мой дядя, брат мамы, Николай – выходил из кинотеатра и ему случайно попал в висок маленький камушек, брошенный кем-то или выстрелянный из рогатки мальчишками, поэтому найденные у меня рогатки всегда немедленно уничтожались, и рассказывалась эта печальная история.

Окончив военное училище и став офицером, Виктор вновь приехал в отпуск в новенькой, небесного цвета парадной форме, со сверкающими золотом погонами, пуговицами, эмблемами, внутри угольников из листьев, почти генеральских, кокардой на фуражке, парадным ремнём с висящим кортиком. Этот бравый вид поразил меня в самое сердце, я гордился братом.

Когда мы шли с ним по городу, все кругом с большим уважением смотрели на молодого офицера, в те годы к военным относились с любовью, так как и ко всей армии.

Прошедшая война ещё хорошо помнилась людям, что не скажешь, к сожалению, о настоящем времени. Многие военнослужащие стесняются военной формы и даже на службу едут в гражданской одежде, чтобы переодеться там.

В своих сочинениях в школе на тему: Кем ты хочешь стать? я всегда писал, что мечтаю, стать офицером по примеру брата, описывал подвиги офицеров в войне, о которых я читал и много слышал из рассказов братьев мамы Константина и Ивана – оба были офицерами и участвовали в Великой Отечественной войне.

Мой третий класс… (я второй справа во втором ряду), Шемонаиха.

Моей первой учительницей была Зоя Назаровна Серикова, всегда спокойная, добрая и рассудительная женщина, в каждом ученике видевшая те качества, которые с её помощью

раскрывались и помогали ему успешно постигать школьную программу, расширять кругозор, учиться коллективизму.

Каждый день находила она время для разучивания патриотических песен, которые пели всем классом и они оставляли на всю жизнь глубокий след в памяти. Песни снимали усталость и напряжение от неподвижного сидения за партой, особенно возникающего у меня, привыкшего к свободной и вольной жизни.

В первый год учёбы я с трудом выдерживал сидеть неподвижно весь урок, постоянно поднимал руку и просился в туалет, и она понятливо отпускала меня, в туалет, конечно, я не шёл, а наслаждался полученной свободой до звучавшего звонка колокольчика на перемену, радуясь своей хитрости.

Сейчас стыдно представить, что она думала обо мне тогда, но со временем я привык к неподвижному сидению и прилежно занимался на уроках.

В отличниках не был из-за того, что дома почти не сидел над домашними заданиями, проверять меня было некому, родители всегда были на работе, а старшим братьям было не до меня, поэтому был всегда твёрдым хорошистом.

Только по рисованию из года в год получал всегда отличные оценки, талант к рисованию проявился с раннего детства, наблюдал, как рисует старший брат Володя, учившийся в художественном училище, но впоследствии выбравшем профессию военного, поступив и окончив Дальневосточное Танковое Училище.

В средней школе я посещал кружок рисования, руководитель которого Александр Гаврилович, тёзка моего отца, прочил мне большое будущее на этом поприще.

А мне в то время больше хотелось гонять на коньках дутышах или стремительно спускаться с близлежащих гор на лыжах, играть в хоккей самодельными клюшками на замёрзшей наледи речки Шемонаихи, поэтому занятия в кружке часто пропускались, а потом вообще прекратил его посещение.

Позднее, повзрослев, не раз жалел об этом тогда, когда вдруг возникало желание взять кисть, краски и написать какую-нибудь картину, а краски имел всегда и храню до сих пор, но из-за постоянных забот и текущих дел, так и не

исполнил это желание, откладывая его на будущее.

Спортом в школьные годы занимался всегда. Особенно после перевода в среднюю школу им. Н. Островского, которая находилась в центре города и имела большой спортивный зал.

Вначале посещал секции волейбола, баскетбола, лёгкой атлетики и лыжную секцию. Впоследствии стал заниматься только лёгкой атлетикой, гимнастикой, бегом на 100 метров, прыжками в длину, что у меня лучше всего получалось.

Зимой основным видом спорта были лыжи, на них ходили в горы кататься, просто бегали по лыжне, набитой почти до самой горы Мохнатухи. Я постоянно участвовал в лыжных соревнованиях, проходивших между школами, завоёвывая иногда призовые места или грамоты.

Уже в седьмом классе получил Первый юношеский разряд и значок, который гордо носил рядом со значком БГТО (Будь Готов к Труду и Обороне) 1 степени.

Летом много плавал, особенно любил нырять и долго плыть под водой с открытыми глазами, чтобы не врезаться головой в огромные камни (валуны), которых с изобилием было в реке. Под камнями ловили руками скользких налимов, рискуя застрять рукой в узкой норе и навсегда остаться в бурной воде.

Река Уба и гора Мохнатуха… Шемонаиха

Река Уба была широкая и по виду с тихим течением, но когда начинаешь её переплывать, сразу чувствуешь ту невидимую силу, с которой она несёт твоё тело вниз по течению и только с большим трудом достигаешь другого берега далеко от того места, с которого заплывал.

Из последних сил выходишь по скользким камням на берег, что – бы отогреться, лёжа на горячем галечнике и набраться сил для возвращения назад.

Утонуть не боялись, вновь и вновь бросались в воду, соревнуясь между собой, кто большее количество, раз переплывёт на другой берег.

Был случай, когда брат Володя со своим другом Борисом Лаврентьевым, в пятилетнем возрасте меня взяли с собой купаться на речку. Купалка находилась ниже мельницы в омуте с огромными камнями на берегу, никто не заметил, как я прыгнул в воду, ещё не умея плавать, меня понесло по течению вниз, не помню, кто меня спас, но хорошо помню те тумаки, которые получил от брата.

Случались и с друзьями несчастные случаи на воде. Любили мы, когда пасли коров, купаться в водопаде на одном из прудов, где высота берегов была около трёх метров, прыгали в бурлящую воду солдатиком, а наиболее отчаянные – вниз головой.

Во время одного из купаний старший брат, моего друга Петьки, Саша прыгнул в воду вниз головой и долго не всплывал. До сих пор не могу понять, как мы с Петькой смогли быстро найти его под водой, вытащить и сделать искусственное дыхание, о котором знал от братьев, как его надо делать, да и ростом он был в два раза больше каждого из нас.

Не чувствуя своих ног, так тогда стремительно бежал я до самой больницы, чтобы вызвать скорую помощь, телефона не было. Сашу Устюжанина спасли, у него был перелом позвоночника, но на всю жизнь остался инвалидом и рано ушёл из жизни.

Были и приятные моменты, с началом школьной жизни ко мне пришло первое смутное и волнующее чувство, которое все называют любовью.

Посадили меня за одну парту с Шурой Ищенко, красивой девочкой с пухлыми румяными щёчками, всегда чисто и опрятно одетой. Её банты в толстых косичках, ажурный воротничок и фартук были ослепительно белыми, казалось, что таких больше ни у кого нет.

Непоседливый в жизни – здесь я сидел смирно, боясь нечаянно прикоснуться к ней во время урока. Она училась отлично, и было стыдно, если мне ставили тройку или делали замечание.

После школы мне нетерпимо хотелось вновь увидеть её и быть рядом. Так я стал заниматься в художественной самодеятельности класса, оставаясь после уроков разучивать пьески, а иногда собирались в доме у одноклассницы Люды Вербицкой, где девочки учили нас танцевать.

Шура танцевала хорошо, но когда я начинал с ней танцевать, то забывал все, чему научился, ноги не слушались меня, а она весело смеялась над этим.

Часто, быстро сделав домашнее задание, я привязывал коньки на валенки сыромятными ремнями и бежал к дому, где жила Шура, чтобы просто быть рядом, катаясь по укатанной дороге, в надежде увидеть её.

Она видела и догадывалась о моих чувствах, но не показывала виду, как бы ни замечая меня. Так продолжалось до тех пор, пока мы учились в начальной школе вместе.

Позднее у неё умер отец, и они переехали жить куда-то на Чёрное море. Со временем мои чувства потихоньку остыли.

Годы учёбы пролетали быстро, хотя и были моменты, когда казалось, что учёба никогда не закончится, и хотелось бросить её.

Как-то мой товарищ Володя Винк рассказал, что сразу после седьмого класса поедет поступать учиться на машиниста электровоза в училище г. Джезказган и я тоже загорелся этой идеей, да и лёгкие условия для поступления, короткий срок обучения, быстрая возможность вступить в самостоятельную жизнь завершили все мои сомнения.

Мы серьёзно стали готовиться к отъезду, решив убежать из дома, если родители не отпустят. Но в это время в отпуск приехал мой брат Юрий, работавший машинистом тепловоза на далёкой станции Сары – Шаган у озера Балхаш.

Узнав о моих планах, он устроил мне хорошую взбучку и рассказал, что там готовят машинистов электровозов для работы в шахтах по вывозу медной руды.

Перспектива стать шахтёром, да ещё работать под землёй мне, привыкшему к вольной жизни, сразу показалась неприемлемой, и я твёрдо решил окончить среднюю школу и поступить в институт.

Наш седьмой класс… (я второй справа в первом ряду)

Странно, чем я становился старше, тем туманнее становилась мечта стать офицером, да и все сверстники чаще вели разговоры о мирных профессиях и высшем образовании.

В своих мечтах я представлял себя то лётчиком гражданской авиации, то инженером. Впервые я увидел самолёт в восемь лет, это был кукурузник, опрыскивающий поля химикатами, который садился прямо на поле.

Мы, бросив коров, бегали смотреть на самолёт как на диковинку, хотя на всех рисунках про войну я обязательно рисовал самолёты. Настоящий лётный шлем, очки и планшет видел я только в доме Сергея Михайловского, учившегося со мной – отец его, бывший лётчик, привёз их с войны.

Как тогда хотелось заглянуть внутрь самолёта, а ещё больше тянуло подняться в небо и пролететь над землёй, посмотреть на неё сверху, но близко к нему не допускали, и оставалось только об этом мечтать.

Когда играли в войну, всегда был командиром. Как то само собой получалось, что все игры, походы на рыбалку, за ягодами, за первыми подснежниками или ярко-оранжевыми цветами «Жаркими», за диким луком «Слезуном» в горах или щавелём на лугах, организовывал я.

На весенних каникулах стало традицией ходить на гору Мохнатуха. Поднимались на вершину, с которой обозревали город и окрестности, или просто катались на задницах по рыхлому оставшемуся снегу в горной лощине, помня о рассказах старших, что здесь погиб мальчик, сорвавшись со скалы – это нам казалось героизмом!

Одной из традиций было каждую весну проводить, чуть ли не настоящие войны, между городскими и оторвановскими (п. Оторвановка) мальчишками на сопках в пойме речки Поперечки.

Сначала это были просто игры в войну, переходившие в кулачные потасовки, которые из года в год переросли в настоящий конфликт, вовлекающий все новых и новых людей.

Как-то незаметно в битвах стали применять и огнестрельное самодельное оружие (поджиг). Я, как командир городских, выделялся среди своих тем, что носил кожаную портупею (подаренную братом) и двуствольный пистолет (поджиг), который я отлил из алюминия.

Это обязывало меня при наступлении быть впереди, а при отступлении бежать последним, сдерживая наступающих выстрелами с коротких остановок. После одной из таких коротких остановок получил попадание камнем в спину, это сразу придало мне такие силы, что оказался впереди отступающих.

Этот камень я вспоминал всегда, когда перед сменой погоды начинала ныть и болеть спина, являясь для меня своеобразным барометром. Уже, находясь на пенсии, впервые сделав в госпитале снимок позвоночника, у меня обнаружили смещение позвонка, боли от которого принимал за ревматизм.

Были и у других ребят травмы, в том числе и огнестрельные, что в дальнейшем, не без участия милиции, остановило эти боевые действия, но не примирило стороны.

Вообще преобладали в детской жизни такие игры, как лапта и городки, чижик и клёк, так как были массовыми, но играли также в кости бабки, на деньги в чику или в пристенок, по монетам били свинцовой битой (чикой), чтобы перевернуть их, поэтому они часто тогда были выгнутые.

Большой популярность пользовалась лянга – кусочек кожи с пушистым мехом, привязанный к кусочку свинца, как парашютик летал вверх и вниз от ударов ноги под счёт окружающих.

Все это вносило нашу жизнь разнообразие, помогало телу развиваться, что, к сожалению, стало отсутствовать позднее, с появлением телевизоров и, особенно, компьютеров.

Став старше уже больше играл в футбол или в волейбол, мячи были дорогой редкостью и очень береглись мной. В футбол играли прямо на травяном поле за железной дорогой.

Команды комплектовались ребятами, живущими в разных районах города, разного возраста, лишь бы хорошо играли. Часто играли на интерес, победители выигрывали мороженое. Мне мама давала деньги на мороженое и кино только раз в неделю, поэтому рвение в игре было неописуемым.

Ярким моментом в детстве была поездка с мамой во время зимних каникул в гости к старшему брату Михаилу, который жил в п. Сары – Шаган. Это была вторая моя поездка на поезде.

Первая была в трёхлетнем возрасте, когда мы переезжали в Шемонаиху и которую я совсем не помнил, кроме чёрного паровоза с длинной красной трубой.

Здесь же я восхищённо смотрел на мелькавшие за окном вагона бесконечные поля, редкие посёлки и людей, приветливо махающих поезду, а казалось, будто приветствуют меня. Впервые увидел тогда бывшую столицу Казахстана – город Алма-Ату (в переводе Отец Яблок), где мы делали пересадку.

Брат работал машинистом паровоза на станции Сары-Шаган, курсировал постоянно в близлежащий, тогда засекреченный город Приозерск, расположенный на полуострове озера Балхаш. В этом городе жили все, кто обслуживал космодром Байконур.

В выходные дни брат меня брал с собой на зимнюю рыбалку. Я впервые рыбачил зимой и поймал своего первого балхашского окуня, который там без полос – белый.

На первой зимней рыбалке с братом Михаилом… Балхаш

Был я тогда и на первой в своей жизни охоте, которая разбудила, где-то дремлющее во мне незнакомое чувство – охотничью страсть, которая в последующие годы не давала мне спокойно жить.

Охотились по камышам, вдоль озера, на зайцев и лису, хоть и ничего не убили, но после охоты брат дал мне выстрелить из ружья.

Этот выстрел, как выстрел с крейсера Аврора, на всю жизнь остался в моей памяти. Впоследствии я стрелял много и успешно из различных видов оружия, как во время службы в Армии, так и во время многочисленных охот.

Через год, после окончания пятого класса, но уже с сестрой Людой, я вновь приехал в Сары-Шаган. Лето там очень было жаркое, степь высыхала настолько, что воздух над ней казался струящейся водой, создавая различные миражи.

Единственным спасением было озеро Балхаш, вода в котором прогревалась настолько, что казалась тёплой, как парное молоко. Почти каждый день, взяв с собой удочки, я бежал босиком, несмотря на раскалённую землю, на озеро.

Босиком бегал с детства, обувь не признавал, кожа на ступнях моих ног становилась твёрдой, как подошва и не чувствовала ничего. До трёхлетнего возраста бегал только голышом, как рассказывала мама, всякую одежду немедленно сбрасывал, такая закалка приносила пользу, болезни обходили меня стороной.

Помню случаи, когда выпадал первый снег, я выскакивал из дому и босиком пробегал до конца огорода, а огород был у нас где-то соток двадцать пять и обратно бежал в дом отогреваться

Рыбалка на Балхаше чередовалась с купанием. Моя кожа от постоянного пребывания на солнце становилась почти чёрной. Столько крупной рыбы я не ловил никогда.

На хлебные шарики ловился золотистый сазан, а на червя клевали многочисленные окуни, язи, серебристые лещи и маринка. Ловил со скалы у водокачки, где было глубже.

Я с восторгом наблюдал, как у камышей, высунув желтогубые рты, медленно кружили сазаны, собирая скопившуюся пыльцу. А, однажды, в небольшом заливчике, во время отлива, скопилось столько сазанов, что казалось сотни подводных лодок, рассекают воду своими перископами-плавниками.

Я бросился ловить их руками, но они так резко взмахивали своими пилами на хвостовых плавниках, что рассекали ими кожу на моих ногах. Так и не поймав ничего, я побежал домой за помощью.

На другой день я пришёл с братом, а рыбы там уже не было, но впечатление от этого, осталось у меня на всю жизнь. Рассказывают, что в наши дни, с появлением в озере судака, почти исчез окунь, и мало стало другой мелкой рыбы.

Запомнилась мне и поездка на мотоцикле с братом по бескрайней степи вдоль озера Балхаш. Ехали прямо по степи – дорог там нет. Встречались войлочные юрты и пасущиеся многочисленные верблюды.

В одном месте вспугнули стадо сайгаков, которые подняв облако пыли, стремительно исчезли за горизонтом. Михаил часто охотился на этих антилоп. Я до сих пор храню в своей коллекции, подаренные им лирообразные рога сайгака.

Позднее он ещё подарит мне своё двуствольное ружье (иж-54),с которым я охотился всегда и бережно храню до сих пор. 4 июня 2012 года – день смерти Табакова Михаила Александровича. Его с нами нет, а память осталась навсегда!

В школьные годы событий происходило много, но запоминались не все. Помню, как принимали меня в пионеры на Совете Дружины в начальных классах и как принимали в Комсомол весной 1961 года.

Это событие было радостным вдвойне, что совпало с праздником всего человечества – первым полётом советского космонавта Юрия Гагарина в Космос. Мы искренно радовались и гордились за нашу страну.

А какая активность проявилась в эти дни по сбору металлолома. Эта акция проводилась каждый год, но без особого энтузиазма среди комсомольцев, а в этот период было собрано столько металлолома, что он лежал горой на спортивной площадке.

Мечтой многих ребят стало в то время желание стать космонавтом, в том числе и меня. В последующем мне посчастливилось встретиться с двумя лётчиками космонавтами. Это с Валентиной Терешковой, посетившей нашу часть в Группе Советских Войск Германии. Она даже поцеловала мою дочь Ираиду, которая вручила ей букет цветов, сказав при этом: «Моя лапочка!»

Моя дочь Ираида вручила цветы Валентине Терешковой… ГСВГ

Вторым космонавтом был Алексей Леонов, приезжавший в Калининград к своему брату, жившему со мной в одном доме. Вместе мы охотились на уток по берегу Куршского залива.

Из этих встреч я познал главное – они простые советские люди и на их месте мог быть любой человек, прошедший соответственную подготовку и имеющий очень хорошее здоровье.

Большое место в период школьных каникул занимали туристические походы. Обычно ходили всем классом в односуточные походы вниз по реке Убе. Ставили палатку, жгли костёр, рыбачили.

Почти всю ночь слушали различные страшные истории, не замечая укусов многочисленных комаров, пели песни и слушали трели соловьёв, редких для тех мест птиц.

Были и многодневные походы, так поход на Рахмановские ключи превратился в туристическую экскурсию, длившуюся более недели. Сначала от Шемонаихи ехали до посёлка Ново-Шульба, в котором посетили звероферму.

Я впервые увидел, как выращивают знаменитых соболей, норок и чёрно-бурых лисиц. Далее мы дошли до Уба – Форпоста – посёлка, где впадает река Уба в Иртыш. Сейчас там, после постройки Ново-Шульбинской ГЭС, разлилось море и все оказалось под водой.

После ночёвки у места слияния рек мы, уже на теплоходе, с космическим названием «Ракета», поплыли вверх по течению Иртыша до Усть-Каменогорска, с которым знакомились более суток. Побывали в музеях, в крепости, с которой начиналась летопись этого областного города.

Дальше ехали на автобусе до Катон-Карагая. Здесь запомнилась переправа на пароме через Бухтарминское море. Паром был огромным теплоходом, на верхней палубе которого скопились грузовые и легковые автомобили, а на нижней палубе располагались люди.

Плавание длилось более часа. Я впервые плыл по такому большому искусственному морю, на дне которого находились многочисленные села, затопленные водой.

В Катон-Карагай приехали вечером. Ночевали в деревянной школе. Через много лет я вернулся в родное село, но вспомнить уже не смог ничего. Даже не смог найти свой бывший дом.

С глубоким чувством неудовлетворённости я поехал далее на Рахмановские Ключи. Зимой, после этого похода, меня и ещё нескольких участников, послали делегатами на областной слёт туристов в город Усть-Каменогорск.

На слёте проводились состязания. Каждая команда на время ставила палатку, потом собирала её и на лыжах совершала кросс, который завершался спуском с очень высокой горы.

Палатку доверили нести мне, и я даже думал, что не справлюсь с этой задачей, так тяжела она была, когда я поднимался в гору, но достигнув вершины и, глянув вниз, я испугался.

Спускаться на лыжах с такой высоты, да ещё с тяжёлой палаткой за плечами мне никогда не приходилось. Но чувство долга перед командой перебороло страх, и я стремительно помчался вниз, почти в самом низу, потеряв равновесие, сел на задницу и так завершил спуск.

Призовых мест мы тогда не завоевали, но наша команда была награждена грамотой. Всех делегатов свозили на экскурсию на конденсаторный завод и на свинцово – цинковый комбинат, где я впервые увидел, как трудится рабочий класс, выпуская продукцию, известную всему миру.

Часто ходил я в однодневные походы с друзьями в Камышинку, где река имела много затонов, по берегам которых росло много щавеля. На зелёных лугах гоняли мяч или играли в волейбол.

Моя школьная любовь Валя Кубышкина… Шемонаиха

Ходили с нами и девчата, в одну из которых, Валю Кубышкину, как-то незаметно для себя, влюбился и чем больше я проявлял к ней интерес, тем меньше она замечала меня и всячески избегала любых встреч.

Это заставляло меня страдать, хотелось видеть её постоянно, страшась даже мысли о поцелуе. Почти каждый день бежал я в клуб, который находился рядом с её домом, в надежде, что она придёт в кино, а если она приходила, то старалась сесть обязательно подальше от меня.

Однажды купил билеты в кино, которые сам не решился передать, а попросил это сделать её младшую сестру Галю. Валя отказалась идти в кино, и мне пришлось смотреть его со своей посредницей.

Очень подружился с её старшей сестрой Любой, которая всячески пыталась помочь мне «навести мосты» к сердцу своей сестрёнки. Так продолжалось несколько лет. Заканчивая девятый класс и потеряв всякую надежду на ответные чувства, я познакомился с другой девушкой.

Однажды, увидев меня с ней, Валя, резко взглянув, убежала. Вечером, узнав от её подруги, что она плакала – решил объясниться с Валей. Утром встретились с ней на Первомайской демонстрации, она была вся в белом, с цветами в руках и, увидев меня счастливо улыбнулась.

Мы вместе шли с ней по улице, и я не мог поверить, что все это наяву, казалось, если что-то скажу, она вновь убежит от меня. Весь день сидели у неё дома на диване и рассматривали фотоальбомы. Счастливее этого Первомая я не помню.

Однако наши встречи продолжались недолго. После окончания 9 класса я, вместе с родителями, готовился переезжать к новому месту жительства на Северный Кавказ.

Таким я был в 9 классе… 1964 г. Шемонаиха

Сестры Кубышкины подарили мне на память книгу с названием «Дорога уходит в даль», подписав её собственными стихами, строчки которых помню до сих пор:

«КОГДА РАССТАЮТСЯ ДРУЗЬЯ – К ЧЕРТЯМ ВСЕ ДУРНЫЕ ПРИМЕТЫ, БЕЗ ШУТОК И ПЕСЕН НЕЛЬЗЯ ДРУЗЕЙ ПРОВОЖАТЬ НА КРАЙ СВЕТА»

Так я вновь покидал привычные места, и поезд увозил меня в неизвестную даль, увозил меня из детства в незнакомую юность. Многие годы я переписывался с Валей и приехал к ней, уже став офицером, но это уже другая история.

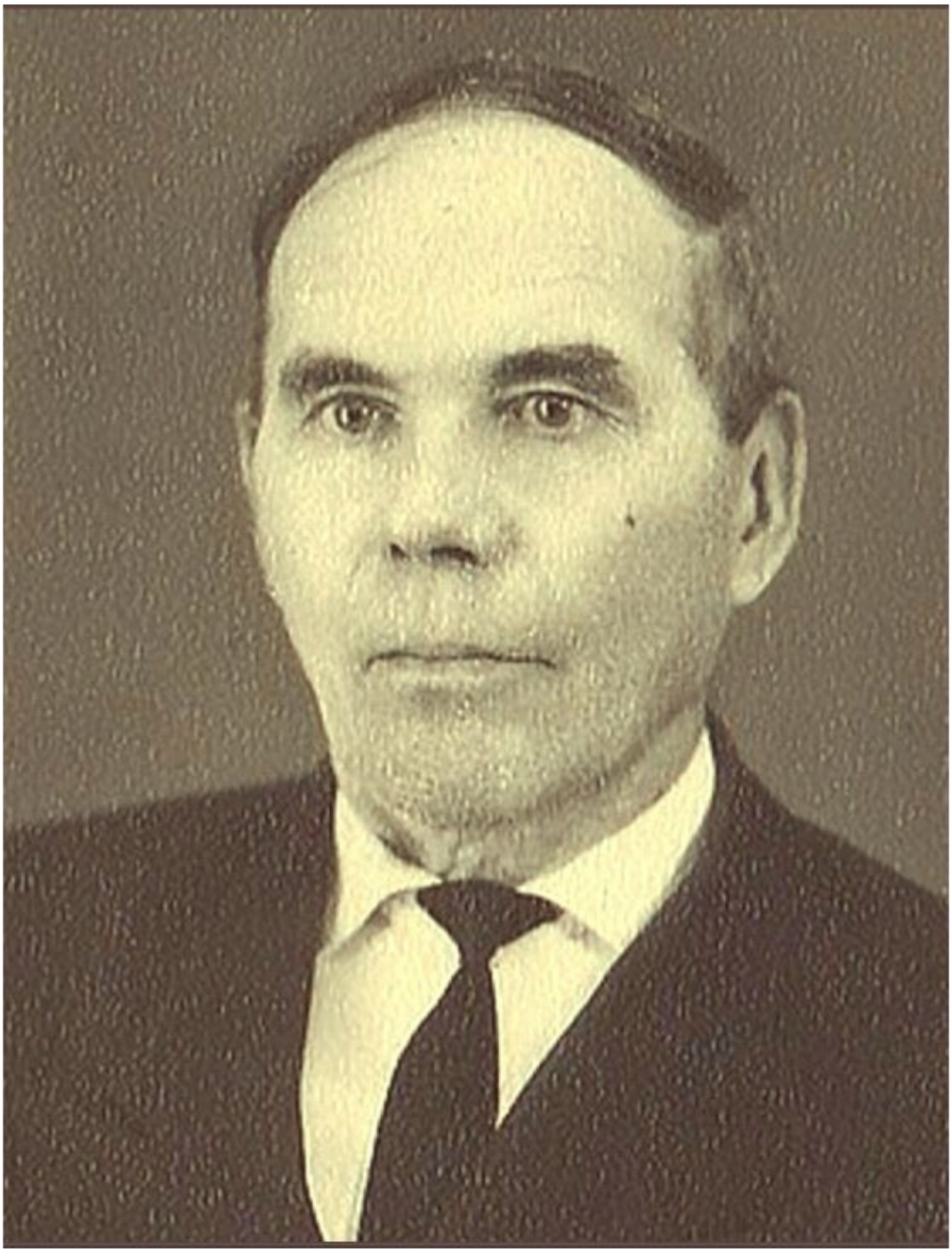
Глава 2: Юность кучерявая моя

И вот опять я в пути. Поезд, монотонно стуча колёсами, уносит меня все дальше и дальше от мест, так ставших родными, от друзей и любимой девушки, от дома, в котором прошло моё детство.

В нем осталось все моё богатство: голуби и старый верный пёс, по кличке Полкан, а свои любимые вещи: велосипед, бредень, рыболовные снасти, спортивный инвентарь пришлось раздать друзьям, так как им не нашлось места в контейнере.

Отец забил все свободное от вещей место пустыми ульями и принадлежностями к ним, рассчитывая заняться на новом месте своим любимым делом – пчеловодством.

Лёжа на верхней полке, я вновь и вновь возвращался к событиям последних дней. В суматохе сборов еле нашёл время попрощаться с друзьями. Накануне отъезда, зная, что мы уезжаем на следующий день, я спокойно сидел с Валей на скамейке возле клуба, собираясь сообщить ей какие-то важные слова, которые не осмелился сказать раньше.



Мой отец Александр Гаврилович Табаков… Александровское

Неожиданно появился отец и сказал, что мы уезжаем через три часа и надо спешить. Прощание прошло наспех, и я ничего нужного так и не сказал. На вокзале же выяснилось, что отец перепутал расписание и что мы, все-таки, уезжаем завтра.

Неописуемое удивление было на лицах сестёр Кубышкиных, когда увидели меня вечером другого дня. Весь день они были в поле на прополке картофеля, и второе прощание со мной прошло опять накоротке, закончившись неумелыми спешными поцелуями.

Только теперь, находясь в пути, я все отчётливей понимал, что уезжаю далеко и навсегда, даже более – в неизвестность! Приехав после очередного лечения из Пятигорска, отец неожиданно решил продать дом и переехать в понравившийся курортный город.

Мама быстро согласилась и вот, через несколько месяцев, они везли меня на Северный Кавказ, не имея там ни родственников, ни знакомых. Позднее, сменив много мест службы и жительства и поняв, что это такое, я решение родителей переехать на край страны, назвал подвигом.

Времени для размышлений в пути, было очень много. С одной стороны не хотелось покидать друзей и обжитые места, а с другой преобладало любопытство и желание увидеть новые города и особенно Кавказ.

Очень хотелось пройти по местам Михаила Лермонтова и увидеть кавказцев, ловко скачущих на лошадях в своих мохнатых бурках и папахах, как мне тогда это представлялось, начитавшись его произведений.

Моя мама Мария Семёновна Табакова (Петухова), Кавалер ордена «Материнская Слава» 2 степени

И только приехав в столицу, я забыл ту грусть, с которой уезжал и с большим интересом разглядывал большой, шумный и красивый город Москву.

Родители тоже с интересом рассматривали город и Кремль с его достопримечательностями, часами стояли в очереди, чтобы показать мне Мавзолей и покоящегося в нем Владимира Ильича Ленина. Посетили мы и музей вождя.

Особенно меня удивило то, что большинством посетителей там были иностранцы, которых я видел впервые в жизни. Они с большим интересом и вниманием, долго рассматривали каждый стенд и экспонат, как будто не знали, куда деть своё свободное время, иногда переговариваясь между собой на своём, непонятном мне, языке.

А я смотрел на них и думал, это рабочие или капиталисты? Скорее рабочий класс! Он наверняка будет интересоваться своим вождём! Но на рабочих они не походили, больше на интеллигентов, знакомивших своих, чистенько и аккуратно одетых отпрысков, с уроками истории, которые они не смогли усвоить дома.

Меня особо заинтересовал костюм вождя, с аккуратно заштопанными дырочками от пуль, после покушения, который был, как будто с плеча школьника. Ленина я представлял всегда с богатырским сложением тела.

Особенно долго я рассматривал блестящий и чёрный автомобиль, стоящий в одном из залов, представляя, как он мчится, доставляя Ленина на завод, где его ждут: одни увидеть и услышать что-то новое для себя, а другие, чтобы пустить пулю и закрыть рот навсегда вождю мирового пролетариата.

Потом мы гуляли по садовому кольцу, которое мне не понравилось из-за большого количества куда-то спешащих людей, с озабоченными и сосредоточенными лицами. Все напоминало мне муравейник, который живёт по своим особым законам.

Не привыкший к этому, я быстро устал и потерял интерес к городу. На вокзал мы возвращались на метро, но усталость не дала мне увидеть то, что я слышал о нем.

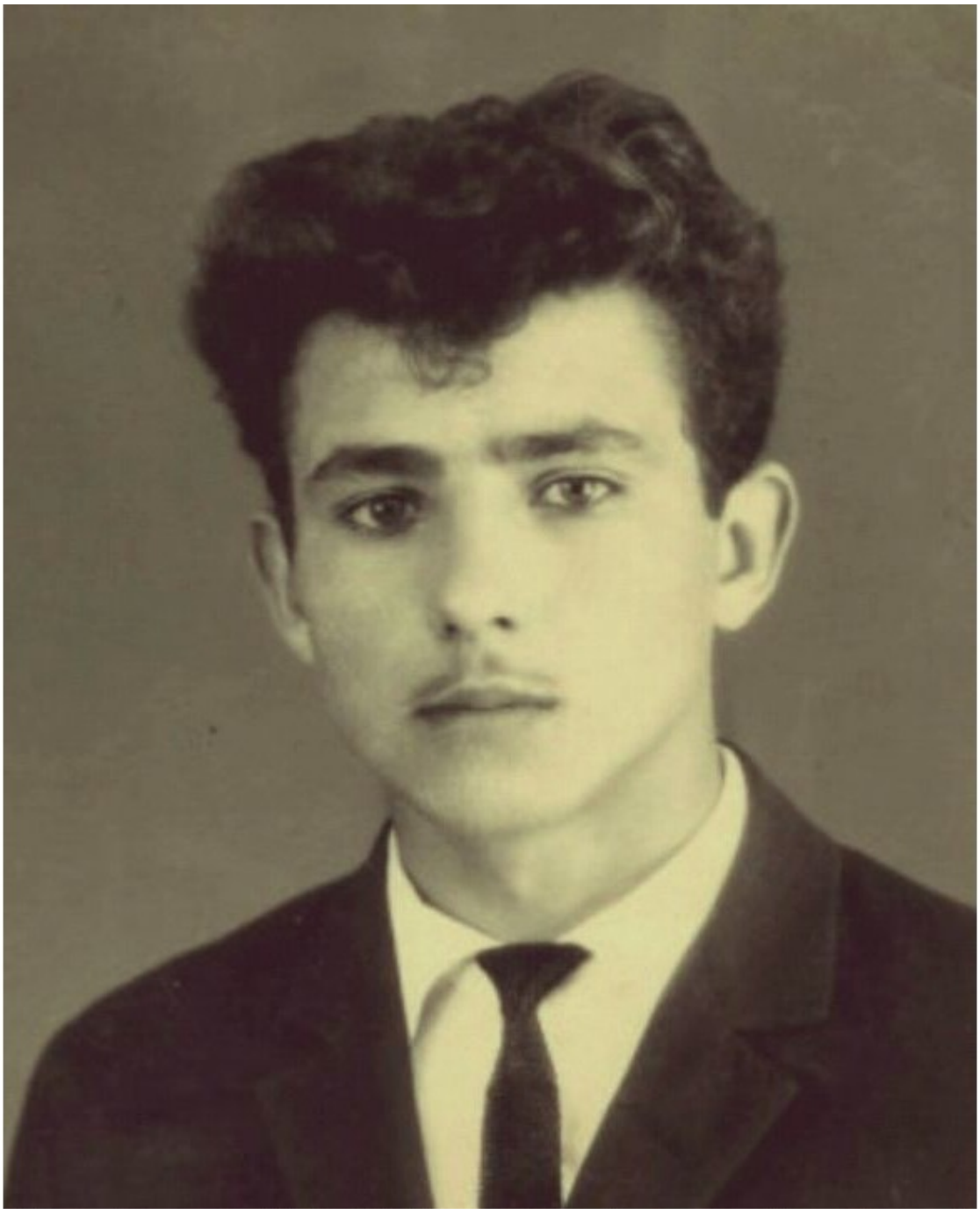
И только в поезде, везущем нас на юг, я вновь пришёл в себя от столичного шума и суматохи. Первая большая остановка была в Туле.

С интересом я смотрел на людей, снующих на перроне, как будто пытаясь увидеть и узнать среди них знаменитых оружейников и мастеров, умеющих подковать блоху, не хуже, чем знаменитый Левша, не подозревая, что последующие годы жизни, после службы в армии, будут крепко связаны с этим старинным и героическим городом.

Потом внимательно читал, на остановках поезда, вывески таких крупных городов, как Орёл, Белгород, Харьков, Ростов на Дону, о которых много слышал и читал в книгах о Великой Отечественной войне, представляя картины тяжелейших боев, проходивших здесь.

Не отрываясь, смотрел на, впервые увиденную, голубизну Азовского моря, вдоль берега, которого мы ехали, и попробовал, купленную на остановке, знаменитую вяленую чехонь

Наконец, после нескольких дней пути, прибыли в город Пятигорск, где посетили почти все исторические места, связанные с Лермонтовым. Особо долго я рассматривал знаменитый Провал, представляя Остапа Бендера, торгующего входными билетиками и вспоминал ещё раз, взахлёб прочитанную книгу Ильфа и Петрова» Двенадцать стульев».



Я в 10 классе… 1965 г., Александровское

После выходных мы начали вплотную заниматься вопросами обустройства и сразу поняли, что нас никто здесь не ждал, а о прописке в курортном городе даже речь вести не хотели.

Так, за несколько дней мы объехали почти все города Кавминводской группы и начали осваивать близлежащие окрестности. Потеряв всякую надежду, мы добрались до села Александровское, районного центра, растянувшегося по лощинам двух речек километров на двадцать, где и нашли то, что искали: маленький домик с небольшим садиком, на берегу маленькой речушки и прописку.

Но за этот домик родители не могли заплатить сразу, не хватало денег, ибо цены на Юге оказались выше, чем думали они, и пришлось ждать денежной помощи от сыновей, моих старших братьев.

Вот так я оказался в старинном селе, которое назвали в честь Александра Суворова, Великого полководца России. Чернозёмная земля давала здесь людям богатые урожаи зерновых, а многочисленные сады ломились от фруктов и винограда, о чем я только мог мечтать в детстве, а из многочисленных артезианских скважин текла минерализованная вода, насыщенная железом и сероводородом.

Все было хорошо, но здесь не было главного для меня – большой реки. Часто вспоминал реку Убу, которая даже снилась мне по ночам, особенно в летние дни, когда здесь стояла такая жара, что кругом высыхала трава.

Это позже проведут сюда воду по каналу из реки Кубань, но в то время рыбачить и купаться приходилось только на прудах, с тёплой, мутной водой и заросшими камышом берегами. Основная рыба, которую я ловил здесь, была из рода рыб семейства карповых: сазан, карп и карась.

Первое время я сильно скучал по покинутым местам, друзьям и вёл усиленную переписку с сёстрами Кубышкиными. В основном письма получал от старшей сестры Любы, а Валя писала редко, видимо стеснялась.

Но со временем, начав учёбу в десятом классе средней школы села Александровского, которая находилась почти в центре села, рядом с рынком и кинотеатром, я нашёл новых друзей, и моя жизнь потекла по новому руслу.

Так с Виктором Некрасовым и Сергеем Калашниковым подружился из-за увлечения охотой. Сергей подарил мне Тулку – старенькую одностволку без бойка, которую я отремонтировал, и она ни разу не подвела меня на совместных охотах.

Тогда же я вступил в охотничье общество, обманув его председателя по фамилии Герман, приписав себе два года в возрасте, так хотелось быть полноправным охотником. В те годы с этим было просто, все строилось на доверии, да и оружие было в свободной продаже и учитывалось только в охотничьем билете.

На охоте по первому снегу… Александровское

Охота увлекла настолько, что почти все свободное время я бродил по полям, окружённым многочисленными лесополосами из колючей белой акации, в поисках зайцев, куропаток и перепелов.

В окрестностях хутора Дубовского стрелял в осеннем лесу многочисленных вальдшнепов, лапша из которых получалась не хуже куриной. Однажды весной Сергей Калашников, живший на хуторе Дубовском, пригласил меня на двухдневную охоту на уток в долину реки Калаус.

Поднявшись ранним утром на горный перевал, мы увидели большую долину, с петляющей по ней небольшой речкой, которая в считанные часы после дождей могла превратиться в бурную и неуправляемую реку, сносящую все с пути.

Неожиданно поднявшийся сильный ветер не давал идти вперёд, казалось, что очередной порыв поднимет тело и понесёт, как пушинку, вдоль гор по долине реки. Пришлось менять планы и возвращаться назад без трофеев.

Зимой, когда выпадал, столь редкий для здешних мест снег, чуть свет убегал с ружьём, чтобы по нетронутой пороше тропить, затаившихся русаков, неуютно чувствующих себя среди ослепительно белого снега.

Иногда из-за охоты пропускал занятия в школе. Родители только ворчали, зная, что утолив свою страсть, я наверстаю упущенное в знаниях и добрели вновь ко мне, после того, как я приносил, счастливый, очередного крупного и тяжёлого зайца.

Охота заменяла мне спорт, так как ходить и бегать приходилось очень много. Однажды, ранив зайца, мне пришлось до темноты преследовать его до тех пор, пока не схватил руками, патроны закончились, а бросить подранка не хотел. Домой еле доплёлся от усталости, но с гордо поднятой головой победителя.

Занятия в школе шли своим чередом и велись опытными педагогами. Особо запомнился наш классный руководитель, учитель немецкого Михаил Яковлевич Самохин, который чутко относился к каждому ученику, вникал и помогал решить ему любую проблему.

Он много, иногда вне темы урока, рассказывал о прошедшей войне, об оккупации села фашистами, о героизме народа, о трудностях жизни и как надо их преодолевать. В тоже время рассказывал о классиках немецкой литературы и величии немецкого языка в ней, и мы изучали этот язык охотно и легко, что впоследствии мне очень пригодилось во время службы.

Обучение в школе велось по стандарту, единственно, о чем я жалел, что здесь было другая профессиональная подготовка. В Шемонаихе мы сами выбирали профессию, которую хотели получить по окончании школы, в соответствии с этим и комплектовались классы: шофёров, электриков, педагогов.

Я выбрал тогда класс шофёров, занятия в нем мне очень нравились из-за практической направленности, которые проходили часто во внеурочное время. Быстро выполнив домашнее задание, вместе с друзьями Виктором Шенкель и Виктором Гайк, бежал в школьные мастерские, где нас ждал учитель автодела – Владимир Андреевич Крепп.

Практические занятия он начал с того, что мы сами разобрали списанный автомобиль Газ-51, а потом, своими руками ремонтировали и собирали все его детали и узлы. Помню, как я притирал клапана двигателя «дедовским» способом – вручную.

Все это помогло мне хорошо изучить устройство двигателя, что очень пригодилось во время обучения в танковом училище. После сборки автомобиля мы обкатывали его не только на школьной площадке, но и по улицам города, что вызывало искреннюю зависть у друзей из других классов.

Здесь же ученики всех классов изучали только устройство трактора и комбайна, да и то по плакатам, а практические занятия проводились редко, иногда на полевых станциях, где мы могли лишь посмотреть на технику.

Единственно, что доверили мне во время летней практики – это сесть на сенокосилку, прицепленную к трактору «Беларусь» и периодически нажимать на педаль, поднимая стрекотавшую косу перед очередным препятствием, чтобы не сломать ножи.

Но ножи ломались и без этого, трактористу приходилось вновь и вновь, истекая потом под палящим солнцем, стучать молотком, расплющивая неподдающиеся заклёпки, а мне держать крепко руками ленту пилы.

К концу дня я выбивался настолько из сил, что еле добирался домой, с ужасом представляя, что завтра все повторится вновь. Только тогда я понял по настоящему, как тяжёл и неблагодарен труд сельского труженика.

Практику по полеводству проходили на школьной учебной материальной базе, которая находилась недалеко от Дубовского леса на берегу большого пруда. Работали не только в большом саду, но и на овощных полях.

Я хорошо помню мучения родителей на прежнем месте жительства по выращиванию и сохранению помидорной рассады от частых заморозков. Здесь все овощи сеяли семенами прямо в землю, и они быстро росли и давали богатые урожаи, не требуя особых забот и полива.

По окончании школы я получил свидетельство механизатора – полевода широкого профиля, но практических навыков работы на технике и вождения не имел. В остальном же занятия ничем не отличались от предыдущей школы и даже математика, которую до девятого класса я не очень любил, здесь мне давалась легко, благодаря предыдущей подготовке.

В девятом классе, ещё в Шемонаихе, математике учил нас Альфонс Фёдорович Матыцин, который настолько хорошо и понятливо вёл свой предмет, что не знать его было невозможно. В дальнейшем он станет заслуженным учителем и почётным жителем этого города.

Зима на Кавказе мне не понравилась, снег выпадал редко, да и быстро таял. В основном стояла сырая и туманная погода, что о лыжах и коньках оставалось только вспоминать.

Что бы ни скучать я увлёкся радиотехникой. Появились друзья и на этом поприще: Вася Михнев, Толик Зубков, Витя Колтунов, Коля Лесовой, Паша Аникеев.

Мои новые друзья… 1965 г., Александровское

Вместе мы мастерили усилители и «шарманки», так назывались самодельные радиопередатчики, а потом выходили в эфир на средних волнах, где общались, ставили оценки друг другу, крутили пластинки с новыми модными песнями или джазовой музыкой.

Высшим достижением было связаться с радиолюбителями из других городов. Все это было, по оценке местных властей, радиохулиганством и чем строже пресекалось, тем заманчивей было для нас.

Сдружившись, мы вечерами вместе гуляли по «Центру», так называли центральную аллею села, по которой каждый вечер, традиционно, ходили туда и обратно жители всех возрастов, выискивая глазами знакомых, чтобы поздороваться или сгруппироваться для следующего мероприятия.

Далее одни уходили в кино, другие в близлежащий парк на танцы, ну а третьи в многочисленные ларьки, где вино с местного винзавода продавалось, почему-то, только в трёхлитровых банках.

Не случайно после таких мероприятий возникали многочисленные драки и избиения, вновь прибывших чужаков, чтобы свои боялись. Не обошла и меня такая участь.

Тактика избиения была одна: несколько человек подходило спереди, а один, тайком, приседал под ноги сзади, человек падал и здесь, как шакалы, налетали все.

Я эту тактику знал и ни разу не превратился в грушу для избиения, давая отпор. Конечно, без синяков не обходилось, но со временем, когда появились друзья и меня зачислили в круг своих.

Я с ребятами чаще всего ходил в кино. В праздники собирались, у кого ни будь дома и, иногда, пробовали лёгкое вино. Чаще всего собирались у Коли Лесового, его отец приносил вино с винзавода, на котором работал.

Мои друзья… (я и Коля Лесовой в центре), Александровское

Однажды Коля угостил нас фруктовой эссенцией, крепкой, как спирт. Пришедший с работы его отец, не обнаружив бутылки, поднял шум, что в бутылке был ядовитый напиток.

Испугавшись, мы стремительно покинули дом и, только в парке, пришли в себя. Забыв про танцы, мы сидели на лавочке у колонки с водой и ждали, кто первый начнёт умирать. Тогда все обошлось благополучно, но с того времени у меня исчезла тяга к любому спиртному.

Постепенно мы обживались на новом месте. Пенсий родителям не хватало, и отец устроился работать по специальности в откорм совхоз с ярким названием «Искра», контора

которого находилась рядом с домом, а животные откармливались далеко от села в местечке, под названием Чонгарец, до сих пор не знаю, что оно означает.

Отцу приходилось всю неделю жить там, рядом с загоном для скота, в маленьком сарайчике из досок, который служил ему рабочим кабинетом, складом медикаментов, столовой и спальней одновременно.

Рядом был большой пруд, в нем пастухи «Хваткой», так называлась сетка на связанных крестом палках, ловили вечерами крупных сазанов. Я, иногда, приезжал к отцу порыбачить.

Мне нравилось ловить рыбу на «комбайн», так называлась снасть с грузом, в конце которой пучком на поводках привязывались крючки, которые по кругу вдавливались в грушевидные шары из теста со жмыхом.

Сазан, рассасывая тесто, попавшиеся крючки старался выбросить через жабры, быстро засекался, пугался и стремительно убегал в глубину, поэтому поклёвки были всегда неожиданными и резкими.

Как трепетало сердце, пока я боролся с этими красивыми и сильными рыбами, не хотевшими плыть к берегу, иногда свечой выскакивающими из воды и, частенько, рвущими, как нитки, мои старые лески, оставляя мне только память о себе. Удивляет меня тот факт, что упущенную крупную рыбу помню отчётливо до сих пор, а большинство пойманной было съедено и быстро забыто.

Однажды летом я приехал к отцу на рыбалку вместе с братом Владимиром и его женой Надей, которые были в отпуске. Ловили ночью сазанов, собираясь ночевать у костра. Клёв был неповторимым, даже Надя выуживала крупных рыбин.

Однако в полночь налетел смерч, принёсший сильную грозу. Гремело так, что вздрагивала земля, а ливень с градом за считанные минуты промочил нас насквозь. Добежав до сарайчика, где спал отец, мы дрожали, как листья на осинках.

До сих пор удивляюсь, как мы вчетвером смогли поместиться в таком маленьком помещении. Утром по всему пруду плавали на волнах полосатые арбузы, принесённые потоками дождевой воды с бахчи на сопке.

На выходные дни отец приезжал домой и занимался садом. Первым делом посадил виноград, которого до этого не было. Участок был небольшой, но отцу хотелось посадить все виды фруктовых деревьев, а картошку посадить пришлось на маленьком пятачке.

Построил он веранду у входа в дом, а летнюю кухню переделал под любимую баньку, вернее совместил их функции. Дом был маленький – всего две комнаты, одна из которых была кухней и, одновременно, спальней родителей.

Так мы втроём прожили год, а потом из армии вернулся мой старший брат Александр, устроившийся работать водителем у директора местного автохозяйства. Мне стало веселей. Саша работал на голубой автомашине «Волга» (ГАЗ-21) и часто брал меня покататься по окрестностям села или на прополку бахчи.

Совхоз заботился о своих тружениках. Запахивали землю, чтобы посадить арбузы и дыни, а потом делили поле по участкам на каждого работника, а те уже сами ухаживали за бахчой. Осенью привозили урожай домой.

Арбузов было много, они вырастали большими, сочными, и очень сладкими. Часто в гости ко мне приходили соседки – сестры Алфёровы и я угощал их арбузами.

Старшая Лилия училась со мной в одном классе, а Галя была на два года моложе. Они имели свою большую комнату, где мы часто готовились к занятиям. Приходила и подруга Лилии – Оля Тамашакина, учившаяся с нами в одном классе.

Мы играли в карты, читали книги или просто рассказывали различные истории из своей жизни. Девчонок красивых кругом было много и многие мне нравились, но сильных чувств у меня ни к кому не было и я спокойно жил, учился и занимался любимыми увлечениями.

В одиннадцатом классе добавились новые заботы и мысли, грызущие меня постоянно, как бы ни пытался изгнать их из головы. «Куда пойти учиться?» – этот вопрос я задавал себе и не мог ответить на него.

Сосед мой, по парте, Володя Неговора собирался поступать в Ростовский Университет, и я решил присоединиться к нему. Осложняло это решение то, что в этот год в школах был двойной выпуск.

Выпускными были одиннадцатые классы в последний раз и впервые десятые, поэтому конкурс при поступлении был тоже в два раза больше. Я понимал, что нужны не только отличные оценки в аттестате, но и отличные знания в голове, и чтобы победить в этом конкурсе – надо было забыть все и учиться, учиться и учиться!

И я учился, но не мог бросить охоту и рыбалку, а также увлечение радиотехникой, хотелось также сходить в кино или на танцы. Да столько соблазнов было кругом, что знания не лезли в голову.

Перед экзаменами в школу пришёл военком, собрал ребят – выпускников и предложил поступить в военные училища, рассказав при этом о правилах поступления, о том, что училища стали высшими и там тоже можно получить высшее образование, пригрозив, к осени забрать всех не поступивших призывников служить в армию.

Я с сестрой Людмилой… 1966 г., Александровское

Он тогда вновь разбудил во мне, почти угасшую, мечту стать офицером. Я не находил себе места после этого, все думал, что делать?

Мои сомнения помог решить, неожиданно приехавший в отпуск, старший брат Виктор, служивший уже в звании майора. Он, в резком тоне, сразу разъяснил мне преимущества учёбы на казённых харчах, в казённой одежде и в бесплатном казённом жилье, намекнув при этом на мизерные пенсии родителей.

Последний аргумент был самым весомым, и я принял решение поступать в военное училище. Когда в военкомате мне предложили военные училища, находящиеся в городах, рядом с домом, я от всех отказался и, к большому удивлению военкома, попросил отправить меня на Дальний Восток в танковое училище, которое ранее закончил мой брат Владимир.

Расчёт был прост, если поступлю – буду учиться, а если не поступлю, то посмотрю нашу большую страну, ведь проезд был бесплатным. Как то сразу на душе стало легче и я, потихоньку, стал готовиться к выпускным экзамен Дома тоже произошли перемены, к нам переехала жить моя старшая сестра Людмила, которая жила и работала ткачихой на текстильном комбинате в г. Семипалатинске.

В комнате стало тесновато, что ещё более затвердило моё решение уехать. Познакомившись с сестрой, зачастил ко мне мой друг Володя Неговора и я стал обрабатывать его, чтобы вместе поехать на Дальний Восток.

Он, к моему удивлению, быстро согласился и, в свою очередь, уговорил своего друга Ивана Передельского. Вместе мы прошли медицинскую комиссию, подготовили и сдали в военкомат необходимые документы и стали ждать решение.

Жизнь продолжалась: готовились и сдавали экзамены, ходили на вечера в школе, где танцевали модный твист, рискуя порвать ушитые и обтягивающие ноги брюки – дудочки.

Провожали девчонок домой, а иногда робко целовались, далее дело не доходило. Нравилась мне девочка из девятого класса Рая Кодзик, турчанка, почти одновременно со мной приехавшая сюда из Турции.

Я с Раей Кодзик… 1966 г., Александровское

Однажды с ней я ходил на конноспортивный праздник, где вместе гуляли и фотографировались. Ранее мне брат Михаил подарил фотоаппарат «Зоркий-2С» и я быстро освоил весь процесс фотосъёмки и печатания фотографий.

Рая много рассказывала о своей Родине, оставшихся там друзьях и родных, о родителях, вынужденных по политическим мотивам эмигрировать в нашу страну. Я часто потом получал от неё поздравительные открытки к праздникам, где она обращалась ко мне «Гена – Джан», не зная точно, что это слово означает, чувствовал от него теплоту и ласку.

Отмечая последний звонок, почти всем классом, в доме Виктора Некрасова мы выпили вина и шампанского. От такого коктейля у всех было весёлое настроение, танцевали, пели песни, целовались на брудершафт, долгое время, потом вспоминая это веселье. После этого дня приступил к подготовке к экзаменам, читая учебники и делая короткие выписки, отвечая на вопросы билетов.

Выпускные экзамены, которые так мы так боялись, были сданы успешно и без потерь. А когда, после торжественного собрания, получив аттестат и собравшись в спортзале на выпускной вечер, даже стало грустно, что этот этап в моей юности закончился.

А встретив рассвет на горе, со сказочным названием «Лягушинка», возвращаясь, домой, в груди было какое-то щемящее чувство, что ещё немного и мы разлетимся, как пушинки с одуванчиков в разные края и никогда не увидимся.

Предчувствие не обмануло! Действительно, только несколько одноклассников мне удалось найти уже в настоящее время, благодаря всемирной паутине – Интернету. Так постоянно общаюсь с Ольгой Тамашакиной, Инессой Черкасовой, ныне Басовой, Володей Неговора.

И вот я снова в пути уже на Дальний Восток. Дорога была долгой и с пересадками. На первой, в Ростове, остановились у родственников Володи Неговора. Город мне понравился и я пожалел, что не решился ехать сюда учиться, военное училище здесь тоже было.

В дороге не скучали, попутчики менялись, а мы продолжали ехать и ехать. За окном пролетали города, и даже целые часовые пояса. Только тогда я, реально, убедился, как велика и необъятна наша Родина.

Менялись природные пейзажи: южные степи сменялись европейскими лесами, а после Уральских гор въехали в азиатскую часть страны, как будто мы повторяли, практически, уроки географии.

Пересекая по мостам знаменитые реки, я с завистью смотрел на них и вспоминал реку Убу и Шемонаиху. Чем ближе был Казахстан, тем чаще и чаще вспоминал Валю, образ которой, из-за длительной разлуки, был каким-то расплывчатым.

Я, лёжа на верхней полке вагона, представлял её повзрослевшей, но у меня это не получалось, вновь и вновь возникал перед глазами её детский портрет с озорными голубыми глазами и косичками.

Я мечтал, после учёбы, приехать к ней в новенькой военной форме и поразить её в самое сердце своим бравым видом, но, каждый раз, мои мечты прерывались очередной остановкой поезда или соседями по купе. На больших остановках я, периодически, бросал в почтовые ящики на перронах открытки с короткими текстами о том, какие города мы проехали и что видели.

А видели много! Пейзажи менялись, как на слайдах диафильмов. Особо меня поразила красота Байкала, по берегу которого проезжали на восходе солнца, где в прозрачной воде был виден каждый камушек.

Только в детстве на реке Убе я видел подобную картину. Восходящее солнце, перламутром рассеивалось в воде и, отражаясь, освещало мягким светом прибрежные горы, кучеряво покрытые вековыми соснами и кедрами, которые чётко вырисовывались на алеющем небосводе.

Такая картина завораживала и не давала оторвать глаз, о сне и думать не хотелось. Уже жарким днём поезд остановился на станции Слюдянка, где берег Байкала был совсем рядом и мы решили искупаться.

Выскочив из поезда, в одних плавках, я с ходу прыгнул в воду и, как ошпаренный, вылетел из неё, так по-зимнему холодна была вода в озере. Здесь же мы купили отварной картошки и знаменитого копчёного омуля.

Картошку съели сразу, взятые в дорогу продукты закончились, а омуля есть не стали – был с душком! Только позже узнал, что у местных жителей – это высший класс, в приготовлении рыбы.

И вот, после десятидневного пути, мы подъезжали к незнакомому и далёкому городу Благовещенску, радуясь окончанию поездки и, в тоже время, страшась неизвестности будущего.

Город особого впечатления не произвёл, ничем не выделялся от увиденных городов ранее. Мы пошли на набережную Амура, спустившись к берегу, сполоснули лицо и руки в чистой воде, с любопытством рассматривая невысокие строения на другой стороне.

Там был уже Китай. Тогда мы и не думали, что пройдёт совсем немного времени и на набережную уже станет опасно выходить и многое в отношениях двух великих государств резко изменится!

Если я, ранее, допускал мысль, что если не поступлю, то поеду обратно, ещё раз посмотрев на страну, то теперь одна мысль об обратной дороге вызывала ужас, так мы намучались в душных и тесных вагонах, да ещё с голодными желудками. Я твёрдо решил приложить все усилия для поступления – только вперёд, ни шагу назад!

До училища ехали на автобусе, находилось оно около двенадцати километров от города, в большой лощине между сопок, которая называлась Моховой Падью.

Сопки были покрыты низкорослым дубняком, а вдали голубела лента реки Амур. Читая книги известного путешественника Арсеньева про Дальневосточную тайгу, у меня о ней сложились совсем другие представления, в корне отличающиеся от увиденного здесь.

Поселили нас сразу в палаточном городке для абитуриентов и накормили в летней столовой. Наевшись сытной перловой каши с кусочком мяса, я повеселел и понял, что и здесь жить можно.

Сразу же стали искать земляков и не нашли, в основном все были из Забайкалья и Дальнего Востока. До экзаменов оставалось несколько дней, и я углубился в подготовку к ним.

Удивительно! После дороги, как будто мне прочистили мозги – все само просилось в голову и запоминалось легко. В палатках днём было жарко и приходилось поднимать и подвязывать полог брезента, чтобы ветерок освежал немного тело.

Многим заниматься не хотелось, и они играли в карты или шахматы, рассказывали анекдоты или о своих похождениях в предыдущей жизни, мешая сосредоточиться и обдумать прочитанный текст.

Приходилось уходить подальше от палаток и лёжа в высокой траве инженерного городка, под знойным солнцем, которое ничем не отличалось от южного и, казалось, будто по заказу, специально, испытывало всех поступающих на прочность и выносливость, ещё и ещё раз листать школьные учебники.

А мысли часто уходили в сторону, то вспоминался дом, где обо мне волновались мои родные, и так хотелось, мгновенно, перелететь туда и ещё раз вдохнуть воздух свободной жизни, то возникали сомнения, а правильно ли я выбрал свой дальнейший путь?

Может, пока не поздно, бросить все и вернуться в привычную жизнь! Уже не было былой уверенности в том, что я хочу стать офицером. В первые дни я обошёл почти все территорию училища, представляя, что ранее по этим местам ходил мой старший брат Владимир, который поступил сюда учиться из войск, прослужив около года где-то у озера «Ханка».

Приезжая в отпуск он много рассказывал о своей службе и учёбе в училище, о своём командире взвода курсантов старшем лейтенанте Юрии Филатове, который обучал его спортивной стрельбе из револьвера в свободное от службы время.

Я ходил и узнавал, как будто уже знакомые для меня места и думал, что если брат выдержал все трудности разлуки с родными и тягости службы, почему я не смогу! Уже потом, прослужив много лет, я твёрдо понял, что самое тяжёлое в первый год службы – разлука с родными и любимыми людьми, ностальгия по дому и оставленному образу жизни.

Вот почему в это время самым желанным человеком является почтальон, который, как голубь, в любой момент может принести долгожданную весточку из дома. Написав письма всем, я ждал ответа, готовый подставить нос, по которому дневальный, исполняющий функции почтальона, постучит конвертом – такая здесь сложилась традиция.

Училище ничем не напоминало воинскую часть. Не было заборов и КПП, курсанты могли свободно ходить на почту, в магазины, на стадион и в парк с танцплощадкой, находящиеся в посёлке.

По субботам и воскресеньям на танцы приезжали из города, в набитых до отказа автобусах, девчонки, с надеждой познакомиться, а может быть и выйти потом замуж за будущего офицера.

Гремела на всю Моховую Падь музыка, вызывающая ностальгическую боль в моем сердце. Видя гуляющие парочки, стремящиеся где-то уединиться от всевидящих курсантских взоров, я вспоминал, все чаще Валю и короткие свидания с ней.

И, вновь, я представлял себя, уже в курсантской форме, приглашающим её на танец, и, как всегда, что-то возвращало меня в реальность! Все это опять вдохновляло меня и вселяло уверенность в правильности поставленной цели.

Жили по военному распорядку дня, ходили строем, строем же и бегали на физзарядку, заступали в наряд по столовой, где мыли посуду и чистили картошку, стояли дневальными под грибком, убирали ежедневно территорию и посыпали жёлтым песком дорожки палаточного городка, внушительно называемого во всех инструкциях – лагерем!

Командовал всеми абитуриентами, грозный с виду, с большими черными усами, полковник Лобус, любивший железную дисциплину и твёрдый воинский порядок.

Большой и ласковый чёрный пёс, живший рядом с грибком дневального и которому, почти все, приносили из столовой какой – ни будь лакомый кусочек, почему-то тоже имел кличку «Лобус».

Первым не выдержал военной жизни Иван Передельский, по моему мнению, специально заваливший экзамен по Русскому языку и литературе. Мы проводили его в «полосатый рейс», так называли сдачу матрацев, белья и получение проездных документов на обратный путь.

Володя тоже получил неуд, но упорно продолжал сдавать экзамены. Все письменные экзамены по русскому языку и математике я сдал на «хорошо», а вот устный по физике, чуть не завалил.

Попался мне закон о сохранении количества движения, который знал, а вот формулу его – забыл, как будто вырезали кусок ленты из моей памяти. Пришлось хитрить и проситься у подполковника, с внушительным видом, выйти за забытой ручкой и он – отпустил!

Несколько секунд хватило мне, чтобы глянуть в учебник и вспомнить все, но оценка, после моего чёткого ответа, была снижена на один балл улыбающимся преподавателем.

Сдав экзамены, мы стали ждать мандатную комиссию, решение которой, окончательно, решало судьбу абитуриента. Каждое утро на построение приходили офицеры, выискивали нужных специалистов, а потом уводили их в свои вотчины, как дешёвую рабочую силу для восстановления и ремонта учебно-материальной базы.

Меня, как художника, умеющего писать шрифтом, взял под свою опеку подполковник Мешков, возглавлявший кафедру ЗОМП (Защита от Оружия Массового Поражения).

Он поручил писать плакаты и учебные пособия на больших белых листах, где я рисовал ядерные взрывы, похожие на большие черные грибы и солдат в противогазах, храбро

бегущих вперёд. Насмотревшись на мучения отца, получившего лучевую болезнь от невидимой, после ядерного взрыва, радиации, я все думал, как это противогаз и прорезиненный плащ может защитить человека от неё.

Наконец наступил долгожданный день, и я стоял перед членами мандатной комиссии. За длинным красным столом сидело несколько офицеров и внимательно, как на медосмотре, смотрели на меня.

От волнения их вопросы я слышал, как будто издалека. Спрашивали: почему я решил стать военным, о составе семьи. Старший из всех, вдруг, прямо спросил меня, какой курс обучения я выбрал, высший или средний.

Я, вместо ответа, почему-то задал вопрос: «А на каком курсе, быстрее стану офицером?». Ответ был: «На трёхгодичном!»

В голове быстро пронеслись выпускники этого года, на наших глазах из курсантов, как по волшебству, превратившиеся в красивых, как братья – близнецы, офицеров.

Лишний год учиться, чтобы получить высшее гражданское образование не хотелось, тем более что все получат в конце обучения одинаковое среднее военное образование и звание – лейтенант.

И я решил учиться на трёхгодичном курсе. Позднее я пожалел об этом и чтобы получить высшее образование, заочно окончил педагогический институт, но это другая история.

Володя Неговора не поступил, не знаю, что он говорил членам комиссии, но знаю, что многих абитуриентов, получивших одну двойку, вызвали из дома для учёбы из-за получившегося недобора в учебных ротах.

А может он решил поскорее вернуться к полюбившейся ему моей сестре Людмиле, на которой он впоследствии женился. Хорошо помню момент, кода Володя пришёл проститься ко мне.

Я сидел в бытовой комнате роты и мне, впервые в жизни, стригли машинкой голову под нуль. С большим сожалением смотрел на свои черные густые кудри, падающие на пол и колени, понимая, что заканчивается моя вольная кучерявая юность и наступает самостоятельная жизнь в жёстких армейских рамках!

Отдав Володе свою одежду и письмо для родителей, я вышел из комнаты уже в военной форме, которая была чистой, но бывшей в употреблении (БУ). Наш курсантский батальон состоял из двух рот: десятой и одиннадцатой, в которую я и попал.

Командовал ротой среднего роста, скуластый, с пристальным взглядом и звенящим голосом майор Владимир Горкун. Он, по-деловому, подобрал команду для ремонта казармы, в которую попал и я, как художник, основной обязанностью которого было сначала белить, а потом чертить поверх побелки коричневую филёнку, рискуя упасть с четырёхметровой высоты. Так мы работали до конца августа.

Первого сентября 1966 года, как и во всех школах, в училище начались занятия. Накануне нам выдали новенькую парадную форму, с острым запахом нафталина и хрустящие хромовые сапоги.

Шерстяные синие брюки пришлось вручную ушивать самому, благо опыт такой уже был в школьной жизни, а широкие голенища хромовых сапог заглаживать горячим утюгом на деревянной колодке – этому быстро научили старшекурсники.

На торжественном построении училища вынесли Боевое Знамя, и мы приняли Военную Присягу, текст которой выучили так, что и сейчас его чётко помню.

Читая вслух слова присяги, перед лицом своих товарищей, я видел, почему-то, лица мамы, отца, своих родных и близких людей, внимательно слушающих меня, будто боявшихся пропустить какие-то важные слова, а услышав их, с облегчением и одобряюще кивали мне, словно вместе со мной повторяли их, чтобы я ничего не упустил и не нарушил текст священной присяги перед всем Советским народом.

Этот день запомнился на всю жизнь. Нет уже давно Союза Советских Социалистических Республик, а Военная Присяга до сих пор остаётся в силе для меня, как единственная клятва в жизни!

Мой первый курс, моя первая дальневосточная зима… 1966 г.

С принятием Военной Присяги нас поздравил Начальник Училища генерал – майор В. Табакин, и с этого дня начался отсчёт моей календарной военной службы, одновременно с занятиями по изучению военного дела. Но это будет другая история!

Глава 3: Тяжело в ученье…

И вот позади все волнения и тревоги, связанные с принятием Военной Присяги и началом учебного года в Благовещенском Высшем Танковом Командном Училище, именовавшимся до этого Дальневосточным Танковым Училищем.

Мне, как и моим однокурсникам из двух рот нашего курсантского батальона, пришлось завершать программу трёхгодичного обучения. Параллельно с нами, впервые, началось четырёхгодичное обучение в другом батальоне курсантов, но уже состоявшим из трёх рот.

Так, бывшие абитуриенты с одного палаточного городка, расселились по разным казармам и могли увидеться только в столовой или вечером в свободное время.

Общий вид нашего училища… Моховая Падь

Начну со столовой, именно о ней в первые месяцы учёбы и службы больше всего думалось – наши молодые тела требовали много калорий из-за насыщенного распорядка дня, к которому предстояло привыкать и не все выдерживали это.

Уже после первого месяца учёбы многие курсанты были отчислены по собственному желанию. Столовая была большая и светлая. В столовую ходили только строем, браво распевая, полюбившуюся всем песню о Туле: «Тула веками оружие ковала, стала похожа сама на ружье…», не подозревая, что эта песня будет гимном города моей ветеранской жизни.

Ровные ряды столиков на четыре человека были покрыты белыми скатертями, на которых стояли цветы и лежали приборы для еды. Каждый ряд обслуживала молодая официантка.

После питания в летней столовой, здесь нам все показалось раем. Пища готовилась опытными поварами, твёрдо знающими, что путь к знаниям лежит через желудок и, почти всегда, «амбразура», так мы называли окно для выдачи еды, была закрыта телами курсантов, стоящих за добавкой.

До сих пор помню вкус рисового плова, который готовил и лично раздавал большим черпаком «Дядя Петя» – Пётр Тимохин, повар прошедший войну и почти всю жизнь посвятивший этому трудному делу в училище.

В целом курсантский паек по калорийности сильно отличался от солдатского – это мы поймём на старшем курсе, когда пища уже не всегда доедалась и мы, не сильно расстраивались, проиграв в считалку на пальцах очередной кусок масла или сахара, по пути в столовую.

В коридоре столовой всегда стояла открытая бочка с пересоленной красной рыбой, которую ели с желанием только в первый год, а потом редко смотрели в её сторону.

Я представлял, видя её, косяки рыб, плывущих по бурным дальневосточным речкам из океана, стремительно выскакивающих из воды на порогах и водопадах, чтобы достичь, вопреки всему, родных мест, отметать икру и продолжить свой род.

Мечтаю о доме… Г. Табаков

О рыбалке вспоминал редко, просто не хватало на это времени. Во время раннего подъёма готов был отдать все, чтобы поспать ещё несколько минут.

Многие курсанты прятались под койкой, в сушилке, везде, где можно было продлить блаженство ночного сна. Но наш первый старшина Жиров, послуживший до этого солдатом срочной службы, все эти уловки и хитрости хорошо знал и шансов никому не оставлял.

Только физическая зарядка разогревала тело, прогоняла сон и всякую хандру. Постепенно я привыкал к этим жёстким условиям учёбы, гордившись тем, что учусь в прославленном, своими выпускниками, училище.

Накануне принятия Военной присяги, нас водили в Музей Боевой Славы Училища, где знакомили с его Боевым Путём и подвигами героев – выпускников. Раньше училище располагалось в г. Проскуров, символично, что когда-то отец тоже учился в Кавалерийской школе этого же города, потом переехало в г. Хмельницк и называлось Хмельницким, далее в 1957 году передислоцировалось на Дальний Восток в г. Благовещенск.

Особенно, впечатлил подвиг выпускника лейтенанта Комарова, таранившего своим танком немецкий бронепоезд, за что получил звание Героя Советского Союза и был навечно зачислен в первую роту курсантов Училища.

Я, оформляя Ленинскую Комнату в своей роте, рисовал знаменитую «Тридцатьчетвёрку», врезающуюся в огромную махину бронепоезда и думал, а смог бы я на его месте повторить этот подвиг и ответа, пока, не находил.

В училище стало традицией набирать, каждый год, для учёбы «Комаровский экипаж» из молодёжи города Шахунья, в котором родился герой, расположенного где-то на Урале. И в этот год, такой экипаж был создан и без экзаменов зачислен в наш второй взвод 11 роты курсантов. Так я, рука об руку, учился с «Комаровцами»: курсантами С. Краевым, В. Горюновым и С. Лебедевым.

Пишу эти строчки, а в сердце щемит от слов «зачислен навечно», на деле эта вечность оказалась коротка! Уже более года как, современными реформаторами полностью ликвидировано, как и много других, наше прославленное Танковое Училище! Но об этом позднее.

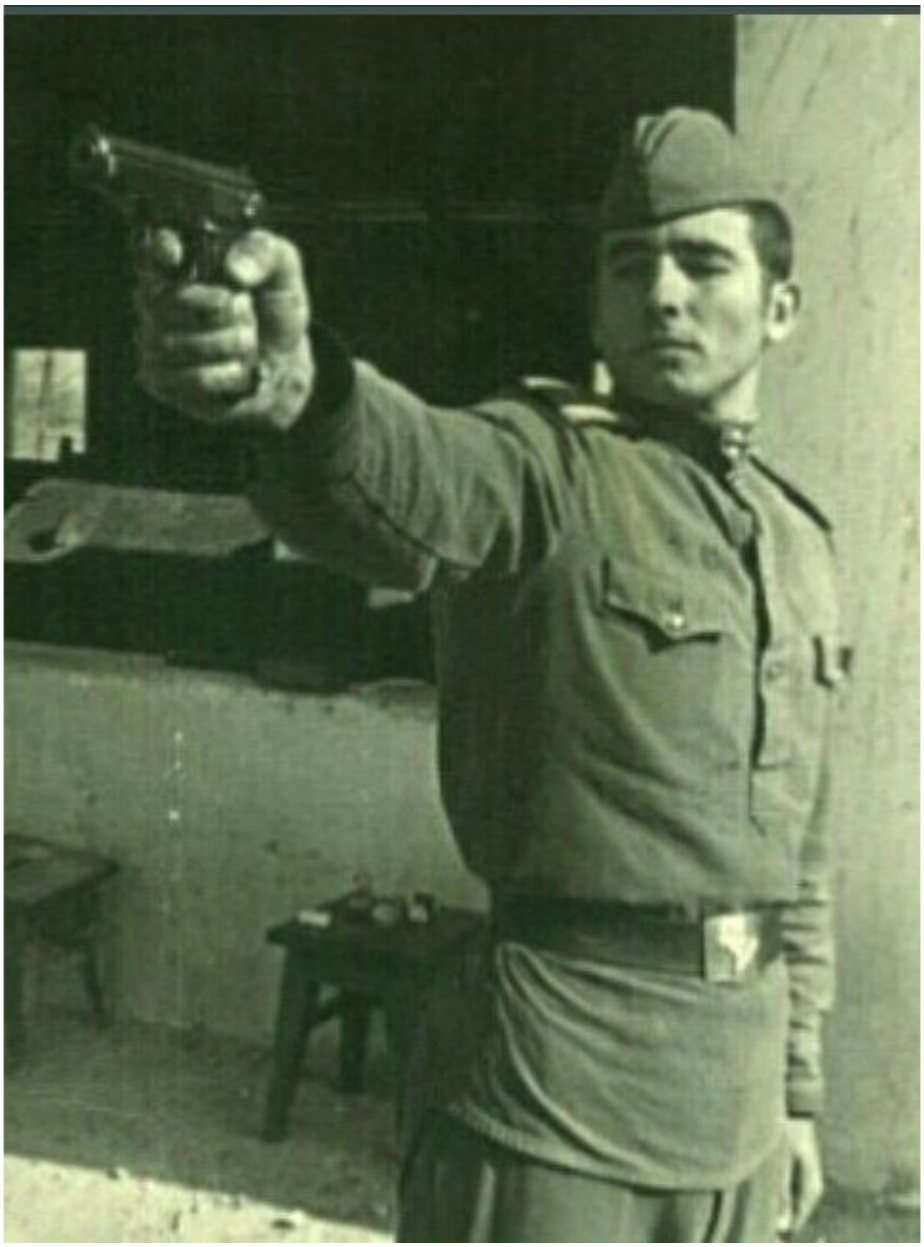
А мы в первые дни, как молодые цыплята за наседкой, строем ходили за командиром взвода лейтенантом Пятковым от одного учебного корпуса к другому, знакомясь с учебной базой.

На этой базе за три года командиры и преподаватели должны подготовить и сформировать из нас грамотных офицеров-танкистов, умеющих делать все: командовать танковым взводом, стрелять из всех видов оружия, водить все виды боевой техники, стоявшей на вооружении в танковых частях, знать и уметь пользоваться всеми радиостанциями, найти и устранить любую неисправность, отремонтировать, эвакуировать, вытащить из болота при помощи полиспаста танк, подготовить его и преодолеть под водой любую водную преграду и т. д.

Поэтому в нашей программе преобладали военные предметы обучения, а общеобразовательные изучались по программе техникума, да и только на первом курсе.

Встречаясь с друзьями с «вышки», так мы называли четырёхгодичный курс, я слышал недовольство тем, что многих «потопила» высшая математика и другие общеобразовательные предметы, преобладающие в обучении. Они с завистью слушали рассказы о том, как мы стреляем и водим боевую технику.

С первых дней учёбы начали изучать устройство пистолета ПМ (Пистолет Макарова), о чем я только мечтал в детстве. Я полюбил огневую подготовку, с нетерпением ждал все занятия, особенно по практическому выполнению стрельб.



На огневом рубеже… Г. Табаков

Было символично, что огневую подготовку у нас вёл майор Юрий Филатов, когда-то бывший у моего старшего брата Владимира командиром взвода. Этот грамотный офицер, умел не только толково разъяснить материал, но и практически обучить любому приёму стрельбы и подготовки оружия к ней.

Он часто приводил примеры из своей службы, рассказывая иногда и о моем брате, мастере меткого огня. Я слушал и гордился братом! Все это ещё больше стимулировало меня в изучении военного дела.

Как-то незаметно пролетела осень и наступила первая амурская зима, которая резко отличалась от предыдущих зим в Восточном Казахстане и тем более на Кавказе.

Снега здесь почти не было, а пронизывающий ветер, иногда при минусовых сорокоградусных температурах, постоянно гулял между сопок по всей Моховой Пади, как будто искал выхода из этой долины, замораживая по пути все, что ему попадалось. А попадались ему, обычно, мы, занимающиеся на полевых занятиях тактикой, топографией, стрельбой, вождением и т. д.

Наши шинели и сапоги плохо защищали от холода, а вернувшись в казарму, частенько, приходилось отрывать от подошвы примёрзшие портянки. Легче было, когда занимались на боевой технике, тогда мы облачались в застиранные ватные комбинезоны и валенки с резиновой подошвой.

Все это хранилось большой кучей в горячей сушилке и найти комплект по своему размеру везло тем, кто первым проникал в неё. Часто один валенок попадался великим, а в другом нога была, как в капкане на волка.

Все это было терпимым, а вот ватные штаны, подпоясанные ремнём, были без высокой защитной спинки и при наклоне, обе рубахи, летняя бязевая и зимняя байковая, постоянно выскакивали из-под ремня и спина, один на один, оставалась с холодным ветром.

Только через много лет кто-то додумается шить тёплые штаны для военных в виде комбинезона и почти до самых плеч. Не скрываю, что первую зиму я часто болел и лежал с высокой температурой в медсанчасти.

В результате всех зимовок я приобрёл не только закалку и опыт выживания в этих условиях, но и, в придачу, хронический радикулит, который напоминал о себе всегда, когда спина попадала под сквознячок. Только на пенсии, заведя пасеку пчёл, стал постепенно забывать об этой нудной болезни.

Быстро пролетали учебные дни и мне все реже вспоминался дом. В выходные дни, когда многие курсанты уезжали в город в увольнение, я вместе с Виктором Власенковым, периодически обновлял и совершенствовал Ленинскую Комнату.

Оформляем Ленинскую комнату… Г. Табаков И В. Власенков

Задание ставил лично командир роты майор Горкун, у которого инициатива в этом вопросе перехлёстывала через край, а мы все свободное от учёбы время рисовали и писали, вернее, рисовал больше я, а Виктор писал на стендах красивым шрифтом.

Между делом, я перечитывал по несколько раз полученные письма. Из дома писали с тревогой об обострении болезни отца, вынужденного месяцами лежать в больнице. От друзей письма приходили все реже и реже, только не забывали меня сестры Кубышкины.

Старшая сестра Люба писала обо всех новостях в Шемонаихе и передавала приветы от Вали, присылая иногда фотографии.

Я мечтал на зимних каникулах поехать в отпуск и увидеть всех, а для этого надо было отлично учиться и сдать все нормативы по физической подготовке.

И я учился, закончив полугодие круглым отличником. Физическая подготовка тоже давалась легко, а стометровку, полосу препятствий, кросс на 3 километра бегал в числе лучших.

Лыжные кроссы бегали зимой по воскресеньям, предварительно насыпав лопатами снег на лыжню, которая первыми лыжниками быстро разбивалась, а последние шли уже почти по сухой траве. Вечерами, как и все, занимался на перекладине, тренируя тело силовыми упражнениями.

Перед лыжным кроссом по Моховой Пади…

Подводя итоги полугодия, командир роты вывел из строя меня и ещё несколько отличников и объявил, что за отличные успехи мы заслужили отпуск в период зимних каникул.

Выслушав это, я обрадовался, но радость была преждевременной! Отпустили в отпуск только тех, чьи семьи проживали в пределах Дальнего Востока и Забайкалья.

Вот когда я впервые пожалел, что уехал так далеко от дома! Все каникулы я провёл в казарме, оформляя Ленинскую комнату и различные стенды с экранами успеваемости, делал косметический ремонт казармы, совместно с курсантами, которых не отпустили из-за слабой успеваемости, низкой физической подготовки или нарушений воинской дисциплины.

Но когда вновь начались занятия по общеобразовательным предметам и боевой подготовке, то все забылось и я с головой погрузился в учёбу! Все давалось легко, да и уже стыдно было получать низкие оценки, которые могли понизить мой рейтинг в экране успеваемости нашего взвода, где против моей фамилии краснели только отличные оценки.

За этим, ревностно, смотрел новый командир нашего взвода старший лейтенант А. Сафронов, заменивший, по неизвестным нам причинам, бывшего взводного. Он был высокого роста, с шапкой светлых волос на голове и ничего не выражающим пристальным взором, и всегда, как мне казалось, не выпускал дымящуюся папиросу из пухлых губ.

Только позже, забегая вперёд, когда я сам командовал таким же взводом курсантов в Омском Танко-Техническом училище, понял, что главную работу по воспитанию и повышению успеваемости подчинённых он делал успешно и толково.

Тщательно вёл учёт успеваемости каждого курсанта и вовремя подсказывал, какую оценку он должен получить, чтобы получить красный диплом. Это я, впоследствии, тоже успешно применял в своей практике.

С большим интересом я занимался изучением средств связи, этому способствовали знания, полученные ещё дома. Увлечение радиотехникой не прошло даром, я быстро мог разобраться в любой радиосхеме, да ещё помогал понять это и ребятам с нашего взвода во время самоподготовки.

Незаметно мы превратились в дружную семью, несмотря на то, что курсанты были разных национальностей и из разных мест. Иногда рассказывали друг другу о доме, оставшихся там родных и близких людях, о своих увлечениях и занятиях в прежней жизни – все это сближало нас и помогало пережить моменты невыносимой ностальгической боли.

В нашем взводе подобрались толковые и общительные курсанты. Особо подружился я с ребятами из нашего отделения: Сашей Настас, Виктором Перминовым, Женей Шушкановым, Геной Казначеевым, Витей Курбатовым

Произошли изменения и в жизни Училища. С большим сожалением проводили мы Начальника Училища генерал-майора танковых войск В. Л. Табакина к новому месту службы. Все курсанты очень уважали этого требовательного и человечного генерала.

Новый Начальник Училища полковник М. З. Лукьянов, впоследствии получивший генеральское звание, круто изменил нашу курсантскую жизнь, приказав перенести танцплощадку из парка в посёлке на территорию училища.

Одновременно, началось строительство КПП (Контрольно-Пропускного Пункта) и высокого забора вокруг училища, а там где его не было, приказом были определены границы, выход за которые считался самовольной отлучкой.

Естественно, сразу увеличилось количество грубых нарушений среди курсантов, привыкших к свободному выходу в посёлок, где находилась почта, магазин «Военторг», станция. В то же время, значительно уменьшилось количество приезжающих девушек на танцы или просто в гости, чтобы прогуляться по «Сопке Любви» со знакомыми курсантами.

Все тяготы по строительству КПП, забора, танцплощадки легли на плечи курсантов нашего батальона, вдобавок ещё, мы заложили и строили пьедестал для тяжёлого танка, который будет установлен к 50-летию Вооружённых Сил СССР, в честь героев танкистов, выпускников Училища.

Памятник танкистам, выпуснкикам училища… Моховая Падь

Танк стоит до сих пор, гордо и одиноко, напоминая ветеранам-выпускникам, традиционно, собирающимся к нему в День Танкистов, чтобы возложить цветы к подножию пьедестала, выпить чарку с друзьями, вспомнить молодость и то, что здесь когда-то располагалось прославленное училище.

Сейчас, поговаривают, идёт обсуждение вопроса о переносе памятника в город Благовещенск, так как бывшую территорию училища выкупили коммерческие структуры.

Все стройки велись в не учебное время, учёба шла по установленным планам и расписанию. Шёл Юбилейный год – страна готовилась встречать 50-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Готовились и мы, старательно занимаясь, чтобы выполнить, взятые в начале учебного года, повышенные социалистические обязательства. Моё личное обязательство – закончить учебный год на отлично!

Занятия шли полным ходом. Этому способствовало то, что занятия вели опытные преподаватели, в большинстве имеющие опыт прошедшей Великой Отечественной Войны, с которым они охотно делились с нами.

Хорошо помню рассказы майора Асташова, который на занятиях по тактике, в перерывах, иногда забывая про текущую тему, рассказывал неиссякаемые эпизоды своей военной судьбы, начавшейся в мальчишеские годы в партизанском отряде, а потом, оставшуюся часть войны, он прошёл на знаменитой «Тридцатьчетвёрке» с единым прицелом БР-12 (расстояние прямого выстрела).

Мы всегда с большим вниманием слушали его, боясь прервать рассказ каким-то вопросом, готовы были слушать часами, не только потому, что нам не хотелось стоять с картой на пронизывающем ветру и искать глазами очередной ориентир, типа «Особо кучерявого дерева», а потому, что в это время мы приступили к практическому вождению танков, начав водить первым этот знаменитый танк Т-34.

На вождении танков… Г. Табаков

Помню, отчётливо, первые метры движения, танк легко слушался рычагов, но при переключении передач, пришлось использовать и силу ног, чтобы давить на кулису и включить другую передачу. Только с помощью механика-инструктора, сидевшего рядом, на месте стрелка-радиста, смог переключиться и продолжить выполнять упражнение.

Через много лет, ведя современный, в то время, танк Т-80, передачи у которого, благодаря гидравлике, переключались тремя пальчиками, как на легковой» Волге» (ГАЗ-21), я, с уважением, думал о тех танкистах-фронтовиках, которые с победой выходили из боя, создав всемирную славу нашим танкам. А это было, поверьте, нелегко!

Наступившая весна разбудила вновь ностальгию по дому. Рассматривая присланные фотографии часто вспоминал и Валю. Курсанты считали дни, когда наступит отпуск, мечтая и планируя его проведение с наибольшей отдачей.

А для меня это выливалось в дилемму, куда ехать в отпуск – домой или к любимой девушке, которую я уже три года не видел. Вопрос решился сам собой. Проездные документы в строевой части были выписаны по месту жительства родителей.

Не буду описывать дорогу в долгожданный отпуск, она не приносила радости. Чем больше дней я ехал в душных вагонах, теряя драгоценное время на пересадках, тем быстрее пробегали отпускные дни. Всего на отпуск отводилось 30 календарных суток, включая и дорогу, то есть мне отводилось на отдых менее десяти суток, а остальные дни проводил в дороге.

Сейчас я и не могу вспомнить, что я делал в эти отпускные дни, так быстро они пролетели. Единственно значительным событием был пожар в соседнем доме Алфёровых.

В жаркий полдень, я услышал сильный треск, как будто кто-то ломает сухие ветки, взглянув через крышу вверх, увидел длинные языки пламени. Инстинктивно, в одних трусах, метнулся к соседнему дому, вырвав на ходу из рук, проходившей мимо женщины, ведра с водой, подбежав к дому, увидел огонь, вылетающий из окон и уже охвативший козырёк крыши деревянной веранды.

Зная, где стоит газовый баллон, я заскочил в дверь и с размаху, резко вылил воду в самый жар потолка так удачно, что пламя как бы захлебнулось. Второе ведро хлестанул на баллон, который зашипел, как раскалённые камни в бане, обдав меня горячим паром.

Подоспевшие люди приносили воду, благо речушка была рядом и мы загасили оставшийся огонь на крыше. Только дома я испугался, представляя, опоздай я на секунды, то был бы взрыв газа и тогда уже не удалось бы спасти не только горевший, но и наш дом, который стоял впритык к горевшему.

Позже, хозяин дома Пётр Алфёров, работавший в райисполкоме, рассказал мне, что посылал представление, для награждения меня медалью «За отвагу на пожаре». Тогда я подумал, а что я отважного сделал, так поступил бы каждый! Видимо, так же посчитали и в Правительстве.

Уже в поезде я перебирал в памяти события каждого дня, проведённого с родными. Отец уже не работал и сильно постарел за год, болезнь знала своё разрушительное дело.

Он, иногда, выпивал со мной рюмочку коньяка, расспрашивая о Дальнем Востоке, особо его интересовала обстановка на границе с Китаем. Мама не знала, что приготовить, чтобы угодить мне, чувствуя сердцем близкую разлуку, могла часами рассказывать мне о своей молодости и жизни, как знала, что это мне позже очень понадобится, но мне тогда все хотелось куда-то бежать, чтобы ни одна минута отпуска не прошла зря.

С большим сожалением думал о том, что не увидел никого из друзей, которые разъехались по всей стране.

Вернувшись в Училище, вновь окунулся в никогда не заканчивающиеся работы по ремонту и совершенствованию казармы и Ленинской Комнаты, а также подготовке материально-технической базы училища к новому учебному году.

Друзья делились впечатлениями от проведённого отпуска, некоторые приехали уже женатыми на своих любимых девушках, а я, стараясь забыть о проведённых в долгой дороге днях, уже мечтал о будущем отпуске.

Так, вплотную мы подошли к Юбилею Великой Революции. Меня, как круглого отличника, полностью выполнившего свои обязательства, направили на торжественное собрание трудящихся Амурской области.

Вручая пригласительный билет, Начальник Политотдела полковник Рохин лично проинструктировал меня о поведении и осмотрел внешний вид. А за внешним видом мы умели смотреть, зная, что курсанта встречают по одёжке, а провожают по уму!

Собрание проходило в зале областного Драмтеатра. Мебель из красного бархата, революционные песни, сменяемые музыкой, яркий свет сразу привели меня в неуверенное состояние, что даже страшно было ступить своими «хромачами» на яркую ковровую дорожку.

Сидя в первом ряду, я с большим вниманием слушал доклад Первого Секретаря Обкома партии, в котором раскрывалась роль Великой Октябрьской Социалистической Революции в жизни не только нашей страны, но и всего мира, перечислялись достижения трудящихся Советского Союза и Амурской области.

Много говорилось о международной обстановке и её обострении, в том числе и на Дальнем Востоке, в частности с КНР (Китайской Народной Республикой). Перечислялись меры партии и правительства по повышению оборонной мощи страны и её Вооружённых Сил.

Потом орденами и медалями, ценными подарками награждали лучших тружеников области, сидящих вокруг меня. Неожиданно назвали и мою фамилию. Получив ценный подарок, трёхтомник сочинений В. И. Ленина, я, повернувшись лицом к залу, чуть не уронив его, чётко ответил: Служу Советскому Союзу!

Служба продолжалась: ходили в караул, выполняя боевую задачу по охране и обороне военных объектов, в обстановке участившихся провокаций на границе, проходившей в непо-

средственной близости от нас, несли службу в столовой, в качестве дежурного подразделения работали в кочегарке или на разгрузке вагонов с боеприпасами, заметно зачастивших в последнее время.

Подготовка к стрельбе штатным снарядом…

Начавшиеся боевые стрельбы штатным снарядом быстро уменьшали боевые запасы. Большую часть стрельб проводили ночью, одновременно совершенствуя отработку норма-

тивов по разборке и сборке клина затвора пушки, пулемётов, автомата и пистолета, набиванию патронами магазинов и пулемётной ленты.

Думать о сне было некогда! Важное место перед стрельбой отводилось подготовке оружия и его пристрелки. Помню, как полковник Трофимов, лучший огневик училища, лично пристреливал каждый пулемёт по кирпичам, которые красным облачком, как тарелочки на ружейном стенде, разлетались от попадания пули.

Выполняя упражнение по стрельбе из танка, я с благодарностью вспоминал его, видя, как каждый снаряд или пуля точно идут в цель. Все стрельбы я выполнял на отлично.

Позже, изучая азбуку артиллерийских стрельб с закрытых огневых позиций, я попал в сборный экипаж танкового взвода, который практически провёл показную стрельбу для всех курсантов.

А при выпуске, с учётом всех отличных стрельб и этой стрельбы, как основной, я получил, как и все наводчики экипажей танков данного взвода, 2 класс наводчика орудия. Все остальные курсанты выпустились только с 3 классом.

Незабываемое впечатление оставило в памяти участие нашей роты в крупномасштабных учениях Дальневосточного Военного Округа, в район которых нас везли в теплушках, как в военное время.

Наша рота занимала район обороны по одному из склонов сопки. Долго долбили промёрзшую каменистую землю, копая окопы, особенно тяжело было строить танковый окоп.

Сбивая в кровь мозоли на руках, я представлял фронтовиков в войну, вновь и вновь роющих окопы, чтобы спасти свою жизнь от ураганного огня врага и становилось легче от мысли, что хоть здесь не стреляют по тебе, единственно командир взвода может наказать, поставив в не очередное ночное дежурство или на пост.

Особо запомнилась имитация ядерного взрыва. Накануне его, со всеми курсантами нашей роты провели показное занятие по подготовке взрыва. Ничего особенного не увидели, на возвышенности стояло два цилиндра, напоминающие бочки для горючего, от которых тянулись провода. Одна бочка должна взорваться на земле, а другая взлететь на сто метров и там взорваться.

На показном занятии по имитации ядерного взрыва…

Увиденный позже взрыв – впечатлил! Большой чёрный гриб походил на ядерный взрыв, который я ранее рисовал, единственно, что мы во все глаза, не отрываясь, смотрели на него, не прячась за укрытия и не одевая противогазы, за что нас потом только поругали.

В реальности, даже не могу представить, что бы осталось от нас. Много эмоций вызвала танковая атака, которую, сидя в окопах, мы ждали совсем с другой стороны. Танки появились внезапно из-за сопки, стремительно приближаясь к нам.

Их было много! Из-за поднятой пыли были видны только впереди идущие машины и стало, как-то неуютно в окопе, когда это гремящее облако приближалось к нам. Тогда я гордился, что выбрал этот род войск и стал танкистом!

В нескончаемой веренице занятий мы находили время и для отдыха. Толя Зайцев, будущий генерал – полковник, а в то время секретарь комсомольской организации роты, обладал неиссякаемой инициативой, как и командир роты.

Он постоянно организовывал различные КВНы в выходные дни, занятия художественной самодеятельностью, которая была лучшей в училище, вечера отдыха, как здесь, так и с выездом в педагогическое училище, поддерживающее с нами шефские связи.

В выходные дни ходили в большой клуб смотреть кинофильмы или на танцы. В будни вечерами смотрели единственный черно-белый телевизор, который часто ломался, и я, как ответственный за него, вновь и вновь производил его ремонт.

На вечере отдыха… Курсанты Г. Табаков, А. Рублев, А. Банщиков

В роте у нас был и свой оркестр! Курсанты Дубровин, Мираков и Носатов постоянно радовали нас своим великолепным исполнением джазовых мелодий.

Поддерживали мы и шефские связи с трудовыми коллективами города Благовещенска, в которых, в связи с обострившейся обстановкой на границе, началось проведение занятия по военной подготовке и гражданской обороне.

Однажды я, с группой курсантов, проводил занятия по изучению пистолета с работницами кондитерской фабрики «Зея». Женщины охотно и внимательно слушали меня, изучая устройство пистолета ПМ, быстро осваивали разборку и сборку его.

После занятий, кондитеры вручили нам по большому кульку конфет, которых не хватило на всех курсантов роты, желающих их попробовать

На следующее занятие мы поехали, взяв пустые противогазные сумки и подсумки от автоматных магазинов. После занятий нам показали весь процесс изготовления сладостей, одновременно давая попробовать все сорта выпускаемого шоколада и конфет.

Кроме того, нам разрешили взять столько конфетной «некондиции», сколько унесём. И мы унесли полные сумки, карманы, подсумки из под автоматных магазинов, накормив всю роту шоколадными конфетами. Лично я, долгое время, не только есть, но даже думать не хотел о любых конфетах!

23 февраля 1968 года мы праздновали 50-летие Вооружённых Сил СССР. К этой дате Училище было награждено орденом Боевого Красного Знамени и стало именоваться Краснознамённым!

Мы гордились этим! Помню с какой любовью я рисовал эту, уважаемую в народе, награду, на стенде о Боевом Пути части. Подводились итоги выполнения социалистических обязательств.

Окончив полугодие с отличными результатами, я, вместе другими отличниками, участвовал в торжественном приёме военнослужащих Амурским Облисполкомом, глава которого П. Лавунов, вручил мне Почётную Грамоту ко Дню Светской Армии и ВМФ, которую бережно храню до сих пор.

А из училища было отправлено моим родителям Благодарственное Письмо, копия которого до сих пор висит на стенде в Александровском районном военкомате, призвавшим меня на службу в армию.

После награждения орденом Красного Знамени, Училищу было присвоено почётное имя Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, прославленного полководца Великой Отечественной войны. Все это повышало у нас ответственность в выполнении служебных обязанностей и изучению военного дела.

Не могу не рассказать о проведённых стажировках в войсках. Первую стажировку проводили в танковом полку в посёлке Возжаевка, недалеко от Белогорска, а вторую в с. Сергеевка под Уссурийском. Особых навыков командования они нам не дали, но хорошо показали реальную жизнь солдат в частях.

Особенно поразило питание солдат в столовой, где мы питались вместе с солдатами. Кислые щи из квашеной капусты были прозрачны, как уха, мясом почти не пахли, а второго блюда в бачке никак не хватало на десять человек.

После ужина нам приходилось идти в офицерскую столовую, чтобы утолить голод. В моей дальнейшей службе, я всегда вопрос питания солдат ставил на первое место. Это хорошо должны помнить все офицеры – тыловики, бывшие в моем подчинении.

Наступившие зимние каникулы я вновь проводил в казарме. Казалось, что все идёт по кругу, как в часовом механизме. Некоторые курсанты не выдерживали этого круговорота и уходили в сторону, вернее писали рапорта об отчислении из училища, их направляли служить в войска. Так поступил и мой друг, сосед по койке, Гена Казначеев, подарив мне на память свою медаль.

Между тем расширялась и совершенствовалась учебная база. Обновился огневой городок, танкодром и автодром. Все это делалось руками курсантов.

Оставил и я свой след в строительстве вышки на автодроме. Больше месяца я не посещал занятия – работал! Научился «ложить» кирпич, готовить бетон. Бригада наша состояла

из трёх курсантов и механика-водителя сержанта Яблонского, который был главным специалистом в строительстве. Так мы работали в течение месяца до летнего отпуска.

После хозяйственных работ… Г. Табаков, А. Настас, В. Горюнов

В отпуск ехал измотанный и уставший, да ещё стояла невыносимая жара. Только через несколько дней пути начал приходить в себя. В попутчиках у меня был старшина 10 роты курсантов ст. сержант Кривогуз, который ехал домой на Украину.

Вдвоём было ехать веселее, но один случай чуть не омрачил все наше путешествие. Ранним утром, когда мы крепко спали, кто-то сорвал стоп-кран. Свалившись, как мешки с песком, на пол, мы проснулись и увидели выскакивающих из вагона пассажиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.